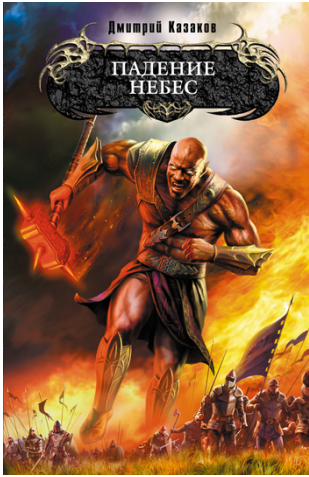

Дмитрий Львович Казаков
Падение небес
Серия «Танец миров», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=433302

Падение небес : фантастический роман / Дмитрий Казаков: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-44903-3

Аннотация

Могущественные силы сошлись в беспощадной схватке, призом в которой является целый мир. За многострадальный Алион сражаются те, кто мечтает обратить его в ледяную пустыню, тот, чью душу давно пожрала Предвечная Тьма. Отчаянно бьются боги и их вернувшийся из небытия сородич, известный под прозвищем Тринадцатый.

Чтобы воспрепятствовать разрушению, которое грозит Алиону, вновь берутся за оружие уроженец Заячьего Скока, наследник императорского престола Олен Рендалл и его спутники – гном, эльф, уттарн и другие. Олен вступает на кровавый путь и намерен идти до конца, несмотря на гибель товарищей. Боги Алиона в действительности не так уж и неуязвимы, как всем кажется...

Содержание

Часть 1	4
Глава 1. Разведка	4
Глава 2. Знамена	19
Глава 3. Врата	34
Глава 4. Ловушка	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дмитрий Казаков

Падение небес

Часть 1 Черное

Превыше всего ценимо для жизни равновесие. Какое бы начало ни стало преобладать – темное ли, светлое ли, оно будет одинаково вредоносным.

Класк-Тас Атенский. «Наставления о жизни мудрой».

Глава 1. Разведка

Двое всадников, теплым весенним днем проехавшие через Синие, северные ворота Безариона, не привлекли внимания стражников. Крепкий мужик с темно-синими глазами и веснушчатая русоволосая девчонка, каких на дюжину приходится двенадцать. Судя по одежде – люди не бедные, но и не из богачей, странно, что мечи у обоих, да среди наемников кого только не бывает...

Чужаки без разговоров заплатили пошлину, стражники уступили дорогу, и вскоре забыли о всадниках. А те поехали дальше, к площади Синей Розы, что дала имя воротам, и в глубь города.

– Если задержимся здесь надолго, то нам понадобятся деньги, – сказала девушка с таким странным акцентом, что его не опознал бы и купец, объехавший самые дальние уголки Алиона.

– Добудем, – отозвался мужчина, говоривший на наречии людей более правильно. – У меня в мешке есть кое-что на черный день. Но, вразуми, Госпожа, сначала надо отыскать приличный постоялый двор...

Площадь с памятником какому-то толстяку осталась позади, и они окунулись в лабиринт городских улиц.

Хельга старалась не смотреть по сторонам, но время от времени все-таки бросала быстрые взгляды, выдававшие тщательно скрываемое любопытство. Все тут казалось странным – яркие вывески над дверями лавок, крики разносчиков, кованые решетки на окнах каменных домов, сады за высокими заборами.

Вейхорн мог похвастаться большими городами, но ничего подобного Безариону в нем не было.

Рик оставался бесстрастным, как обычно, и только настороженно блескующие глаза выдавали, что он напряжен. Магическая личина надежно прикрывала уттарна и лиафри, но кто знает, какими умениями обладают местные маги? Может быть, для них заглянуть за нее ничего не стоит?

А если тайна откроется, то гостей из другого мира почти наверняка ждут неприятности.

– Какой огромный город, – сказала Хельга, когда они выехали на очередную площадь, на этот раз – квадратную.

С трех сторон ее окружали украшенные фресками и колоннами дома с галереями при первых этажах, а с четвертой высилось здание, увенчанное тремя остроконечными башен-

ками. Над каждой висел флаг – три красных башни на белом фоне, а на средней виднелся циферблат больших механических часов.

– Немаленький, – согласился Рик. – Ратуша, если я чего-нибудь понимаю в этой жизни. Но это центр, а нам нужно место поближе к окраине, где все стоит несколько дешевле. Давай туда...

И он повернул коня к уводящей на восток улице.

Поиски затянулись, несмотря на то что постоянные дворы встречались нередко. Но три первых Рик и Хельга отвергли из-за слишком высоких цен, в четвертый даже не заглянули, все стало ясно по внешнему виду. Затем пошли заведения попроще, погрязнее и подешевле.

Задержались у одного, с лодкой на вывеске, что располагалось недалеко от берега большой реки.

– Комнаты чистые, – сказал хозяин, необъятных размеров толстяк, напоминавший свинью в фартуке. Чтобы поговорить с гостями, он выбрался на крыльцо. – С двоих возьму цехин в день, и это с кормежкой и лошадьми в конюшне. Дешевле точно не найдете, если только в каком клоповнике, хе-хе. Ставлю пояс Слатебы, что вам у меня понравится...

Рик и Хельга переглянулись, и уттарн кивнул:

– Хорошо. Но сначала мы посмотрим комнату и проверим, чем ты кормишь постояльцев.

– Тем же, чем и себя, хе-хе, – и толстяк выразительно похлопал по своему напоминавшему мешок пузу.

Тяжело переваливаясь, он повел их внутрь, в большой зал, где пахло жареным мясом и свежей соломой, а потом вверх по лестнице. Небольшая комнатка оказалась в самом деле чистой, на просторном лежаке обнаружилось лоскутное одеяло и четыре подушки.

Еще в помещении имелся большой сундук и крохотный столик с огарком свечи.

– Ну что? – спросил хозяин. – Остаетесь? Лошадей в конюшню, а вам принести ужин? Или спуститесь в зал?

– Остаемся, – ответил Рик. – А поедем, я думаю, вниз.

– Я же говорил, что понравится, хе-хе, – толстяк заулыбался и вышел.

– Могли попросить ужин сюда, – сказала Хельга.

– Конечно. – Рик потянулся так, что захрустели суставы. – Но внизу мы будем не одни, и мне хотелось бы послушать разговоры, узнать, что творится в Безарионе. Готов поспорить на что угодно, не все в этом городе так тихо и спокойно. Я ощущаю гнев и боль...

Хельга кивнула.

Они спустились в зал. Хозяин встретил их широкой, словно море улыбкой, и указал на стол у стены.

– Сейчас еду принесут, – сообщил он. – Ставлю пояс Слатебы, вы отъедите свои пальцы!

Народу в зале было немало. Около самой стойки располагалась компания слегка подгулявших мастеровых, оттуда неслись бессвязные выкрики и хлопки ладонями по дереву. В углу сидели двое пожилых мужчин в кафтанах из дорогого бархата и мрачный гном. Они переговаривались неспешно, из рук в руки ходили куски пергамента.

А стол по соседству с доставшимся Хельге и Рикю занимали трое молодых людей с оружием. Эти выглядели так, словно пили далеко не первый день: красные глаза, опухшие рожи, дрожащие руки.

– Ну что... – проговорил один из них, с трудом поднимая кувшин. – Еще по одной... это... за нашего полководца... Харугота...

При упоминании этого имени разговоры в зале на мгновение смолкли. Мастеровые перестали вопить, гном закрипел зубами, а лицо стоявшего за стойкой хозяина сделалось белым, как простыня.

– Можно... – согласился второй молодой человек с лохматой головой, напоминавшей одуванчик. – Наливай!

Из кувшина в глиняные кружки полилось пиво, и все вновь пошло своим чередом: кто-то из мастеровых запел, двое торговцев склонились друг к другу, хозяин заторопился к уттарну и liaффри.

– Извольте, хе-хе, – смешок на этот раз прозвучал нервно. Он поставил на стол горшок, из которого торчали две ложки. Запахло тушеными овощами. – Рагу. Наш повар готовит его великолепно... Сейчас принесут хлеб... копченое мясо, пиво... Но если желаете вина...

– Пивом обойдемся, – сказал Рик. – Если есть темное, то совсем хорошо.

– Найдем, найдем... – толстяк махнул рукой, и служанки в накрахмаленных белых передниках тут же засуетились.

Уттарн сидел, упершись локтями в столешницу, и вид у него был скучающий. Но Хельга знала, что сейчас его уши ловят все разговоры в таверне, процеживают их, словно китовая пасть – воду. Вот только добычей тут являются не креветки и прочие морские твари, а крупницы полезных сведений. О том, что происходит в городе и окрестностях, что стало темой для сплетен и пересудов...

Девушка освоила местное наречие достаточно, дабы понимать то, что говорили ей, и самой объясняться, но слабовато для того, чтобы подслушивать.

– Неплохо, – оценила она, попробовав рагу. – Хозяин не врал, расхваливая собственного повара.

– Не зря сам так отожрался, – хмыкнул Рик.

С едой покончили довольно быстро, попробовали пиво, крепкое и немного сладковатое.

– Что дальше? – спросила liaффри.

– Ну что же, я посижу здесь, послушаю беседы, – проговорил уттарн. – Ближе к вечеру народу наверняка станет больше. А ты можешь отправиться погулять, в Безарионе точно есть что посмотреть.

– Нет, я имею в виду – вообще. Сколько мы тут пробудем?

Хельгу мучило нетерпение, тем более яростное, чем сильнее она с ним боролась. Хотелось ехать, двигаться, чтобы приблизить встречу с Оленом, а не тратить время на прогулки по городу.

– Несколько дней – точно, – Рик глянул на спутницу с понимающей усмешкой. – Можно помчаться на юг, навстречу тому, кого ты так жаждешь увидеть, но смысла в этом нет. Он вскоре сам явится сюда, и здесь, – уттарн понизил голос до шепота, – решится его судьба... Тьма сказала это мне, а она не может ошибаться.

Девушка глубоко вздохнула. Да, конечно, никто ее тут не держит, можно в любой момент вскочить на лошадь и отправиться дальше. Вот только приведет такой глупый поступок исключительно к неприятным последствиям. В одиночку, без помощи колдуна-уттарна, ей в этом чужом мире не выжить, и тем более – не разыскать Олена...

– Ладно, – сказала она. – Что ты говорил про запас в твоем мешке?

– Там есть предметы, ценимые всеми разумными во всех мирах. Если будет надо, обменяем их на местные деньги.

– Хорошо. Тогда я и в самом деле прогуляюсь. – Хельга встала, а уттарн махнул рукой, подзывая хозяина, чтобы заказать еще пива.

Шагая к двери между столами, девушка поймала несколько заинтересованных мужских взглядов, и не в первый раз удивилась, что ее личина не лишена привлекательности.

На взгляд liaффри она была настоящей уродиной.

Выйдя на улицу, Хельга свернула на юг, и вскоре ее глазам предстала река, на берегах которой раскинулся Безарион. Девушка прошла по широкому мосту, разглядывая многочис-

ленные статуи, потом некоторое время уделила тому, чтобы хорошо рассмотреть замок на холме.

Золотистый, словно и вправду возведенный из драгоценного металла, он, тем не менее, смотрелся мрачно. Угрюмыми глазами казались темные бойницы, круглые башни напоминали сточенные зубы. Лениво колыхались под ветром черные флаги с половиной солнечного диска.

Левый берег оказался более оживленным, чем правый, и почти от самого моста начался торговый квартал. Хельга миновала храм одной из местных богинь, на крыше которого стоял огромный паук, и оказалась в центре атаки зазывал из нескольких лавок.

– Румяна! Притирания! Благовония! – с придыханием вопил один, маленький и толстый, томно моргая коровьими глазами.

– Какие угодно ткани! – надрывался второй, высокий и краснолицый. – Идите со мной, благородная мессана!

– Брошки, серьги, диадемы, достойные королевы... – шипящим шепотом сообщал третий, тощий и носатый.

Но подходить близко и тем более хватать за рукава зазывалы не отваживались. Видели, что меч у бока «благородной мессаны» висит не для красоты и что наглости девушка не потерпит.

Хельга задумчиво оглядела всех троих, и решила, что завернет к каждому.

Когда она вышла из последней, третьей лавки, над Безарионом потихоньку сгустился закат. Оранжевое зарево стояло над морем, и плыли по темнеющему небу облака.

– Приходите еще, благородная мессана, – печально вздохнул в спину лиафри толстый зазывала.

Хозяев лавок, в которых побывала девушка, ждало сильное разочарование. Она все осмотрела, понюхала и пощупала, выслушала похвалы, не моргнув и глазом. Но ничего при этом не купила.

И неудивительно – денег в карманах не было.

Хельга прошла по мосту обратно, переждала у перил, уступая дорогу отряду конных воинов в черных плащах и шлемах с крылышками. Затем двинулась к постоялому двору.

Уттарн обнаружился на том же месте. Глаза его за проведенное тут время помутнели, в движениях появилась пьяная замедленность. На столе возвышались три кувшина, из которых шибало пивным духом, а на табурете напротив сидел хмельной мужичок с загорелым лицом и похожими на паклю волосами.

– Кровь как вода текла, клянусь! – вопил он, брызгая слюной и тыча вверх растопыренной пятерней.

Хельга заметила, что мизинца на ней не хватает.

– Ну что ж, вот за мной и пришли, – сказал Рик, посмотрев на девушку. – Ты допивай, Лори, не стесняйся, а мы пойдем.

– Допью, само собой... – мужичок кинул на лиафри сальный взгляд, и притянул к себе кувшин.

Уттарн поднялся с некоторым трудом, взял со стола горящую свечку, и они пошли к лестнице.

– Кто это? – спросила Хельга.

– Лори. Говорит, что воин из дружины местного правителя, хотя на самом деле он – обозный возница, – тут Рика слегка шатнуло. – Так, что-то я с пивом перестарался. Он рассказал много интересного...

Когда зашли в комнату, он задвинул засов на двери. Поставил свечу на стол, и тяжело опустился на лежак.

– Ну? – Хельга вопросительно глянула на спутника.

– Город похож на бочку с ламповым маслом, что стоит рядом с костром, из которого летят угли. Зимой тут было восстание, и Харугот из Лексгольма, консул Безариона, утопил его в крови. Консула боятся и ненавидят, и это несмотря на то что он удачливый полководец. Завоевал обширные земли на юге, и сейчас возвращается с победой... Интересно будет на него взглянуть... – Рик на несколько мгновений ушел в свои мысли. – Кроме того, война полыхает на северо-западе, хотя кто именно там сражается, я понять не смог.

– А боги, почему они не вмешаются? – спросила девушка.

Лиафри все не могла привыкнуть к мысли, что местные бессмертные совсем не похожи на тех, что правят в Вейхорне. Что они не соперничают друг с другом за земли и разумных, а мирно властвуют в Алионе.

Нет, она еще из рассказов Олена знала, как тут обстоят дела, но все равно сжиться с этим не могла. Такой порядок вещей казался неправильным, неестественным, а местные храмы Всех Богов, в которых рядом стояли изваяния двенадцати хозяев Великой Бездны и Небесного Чертога – чудовищным курьезом.

– У них, похоже, свои заботы, – уттарн зевнул и потянулся к свечке. Сжал пламя пальцами, оно зашипело и погасло. – А у нас – свои... Спать пора.

И с этим Хельга была целиком и полностью согласна.

Тьма не хотела отпускать Харугота, крепко держала его в колючих и холодных объятиях. Давила на веки ледяными пальцами, и негромко напевала колыбельную, что способна усыпить навечно...

А затем он сумел вырваться из удушающего, жуткого плена, и открыл глаза. Обнаружил, что лежит на боку, перед лицом пол с начерченными мелом линиями и медная чашечка на их пересечении. Пошевелившись, осознал, что в ладонях зажаты осклизлые кругляши.

Увидев у стенки труп с окровавленным лицом, вспомнил, что держит в руках, и поспешно отшвырнул раздавленные в кашу глазные яблоки. А затем воспоминания хлынули потоком – обряд, полет над землями Алиона, Терсалим, гейзер силы, и чудовищный удар, лишивший консула сознания...

– Ари Налн... – вместо зова получился судорожный хрип. – Ари Налн! Сколько я тут провалился?

Открылась дверь, в комнату заглянул канцлер Золотого государства. На лице его при виде лежавшего на полу Харугота появилось беспокойство, и голос прозвучал тревожно:

– Что с вами, мессен?

– Ничего страшного... сейчас встану... – ни в коем случае нельзя давать кому-либо знать о собственной слабости. Для всех и всегда хозяин Безариона должен оставаться могучим и непобедимым колдуном. – Сколько времени прошло?

– Сутки.

– Вот как... – Консул с трудом сел, и боль ударила в затылок. – Распорядись... вина и еды, и пусть уберут здесь все.

Ари Налн кивнул и вышел из комнаты, из-за двери донесся его громкий голос.

– Что же я видел такое, клянусь Великой Бездной? – Преодолевая боль, Харугот встал. Дошагал до кресла около стола, рухнул в него и попытался сосредоточиться. Почесал подбородок.

Так, что там было такое?

На самой границе воды и земли, Теграта и берега, лежало нечто, похожее на шарик, скатанный из древесных листьев. Он покачивался и дрожал, и в стороны от него тянулись белесые нити.

И внутри шарика вроде бы пряталась человеческая фигура...

Но что смогло нанести удар, на сутки выбивший консула из сознания? Что за сила способна причинить такой ущерб тому, кто воплотил в своем теле храм Тьмы? Обычному колдуну такое ни за что не удастся.

Дверь приоткрылась, вошли несколько слуг. Двое, с ведрами и тряпками в руках, принялись вытирать пол, еще двое схватили труп и потащили его прочь. Пятый мелкими шажками приблизился к столу, поставил на него поднос с большим золотым кубком, изящным серебряным кувшином и тарелкой, на которой лежали куски окорока и ломти хлеба.

– Я сам налью... – сказал Харугот. – Иди...

Кто же способен на такое? Боги? Но их мощь проявляется совершенно по-другому! Кто-то из магов орданов? Маловероятно, да и откуда они возьмутся в Терсалиме? О чародеях геданов и людей нечего и говорить, все они в подметки не годятся ему, хозяину Золотого замка.

Нижняя Сторона? Но он не ощущал никакого холода...

Тогда что, отпор ему, Харуготу, дала некая неведомая сила? Не та ли, о которой говорил Лерак Гюнхенский, некогда – могучий маг, а ныне – бессильный узник подземелий?

Как он тогда выразился? «Мир изменился, и скоро в нем не останется места таким как ты!.. Глубинные основы сотряслись, сам воздух стал другим... Неужели ты этого не видишь?»

Может быть, стоит расспросить Лерака еще раз, и сделать это немедленно?

– Ари Налн! – вновь позвал консул, налил из кувшина в чашу красного вина и взял ломоть окорока.

– Да, мессен? – спросил канцлер, возникая в дверях.

– Немедленно доставить ко мне Лерака Гюнхенского. Вымойте его, чтобы не вонял, оденьте. Но следить в оба, кое-какие силы у него остались.

– Будет исполнено, мессен.

Ари Налн удалился, а Харугот отхлебнул вина и принялся за еду.

Головная боль потихоньку отступала, уходила из тела болезненная вялость.

Слуги вымыли пол и исчезли. Блюдо опустело, как и кувшин, после чего консул ощутил себя сильным и бодрым. В коридоре зазвучали шаги, раздался осторожный стук в дверь.

– Мессен, узник доставлен, – доложил ари Налн.

– Заводите.

Перешагнувший порог Лерак Гюнхенский был вымыт, гладко выбрит и острижен наголо. На нем красовалась новая рубаша из холстины, штаны и сапоги. Но облако вони, состоявшее из запахов пота, нечистот, грязи и гнилой соломы, волочилось за Лераком, будто тюремный смрад вьелся в кожу старого мага.

Выглядел Лерак тощим и замученным, в глазах стояла боль. Руки его были скованы за спиной.

– Посадите его, – распорядился Харугот. – И оставьте нас.

– Я удивлен, – произнес узник, оказавшись на стуле. – К чему это? Тебе что-то нужно от меня?

Консул дождался, когда они останутся вдвоем, и только после этого ответил:

– Ты всегда был умен, поэтому я не буду обманывать. Во время нашей беседы ты упомянул, что заметил некие изменения, затронувшие Алион. В тот раз я не смог добиться от тебя подробностей, но теперь они мне нужны еще больше. Что ты имел в виду? Ответь, и я верну тебе свободу, отпущу на все четыре стороны, и велю тебя не преследовать.

– Не смог сломить меня, и хочешь купить? – улыбнулся Лерак. – Думаешь, я тебе поверю? И зря... Чтобы ты отпустил того, кого считаешь врагом? Ни за что не поверю. Обманешь. Так или иначе совершь.

– Мне нет смысла лгать тебе, – Харугот ощутил, как дрогнул уголок рта. – Я настолько силен, что ты больше не представляешь для меня опасности! Половина мира у моих ног, другая половина скоро окажется там же! Что мне до одного колдуна, пусть даже он умел и...

Он осекся, поймав себя на том, что дал волю гневу.

– Вот тут ты не обманываешь, – узник вздохнул. – И в самом деле стал силен, проклятый. Да только я тебе ничего не скажу. Изменения происходят, Алион становится иным, и если ты этого не видишь, значит, ты слеп, ты, мнящий себя великим!

Консул некоторое время вглядывался в лицо Лерака, раздумывая, не выкачать ли сведения из его головы силой.

– Ты еще пожалеешь о своем отказе, – процедил он сквозь стиснутые зубы. – Клянусь Великой Бездной. Эй, ари Налн!

В какой уже раз канцлер заглянул в комнату.

– Уведите его на место. Прикуйте к стене, и перестаньте давать еду и воду. Пусть слегка ослабнет...

– Ты думаешь, что победил меня? Ты ошибаешься, – Лерак поглядел на Харугота, как тому показалось, с жалостью.

– Посмотрим, как ты заговоришь через месяц, – пробурчал консул, сдерживая гнев.

Узника увели, и хозяин Безариона откинулся в кресле, задумчиво потирая лоб.

Поиски ответа на вопрос, с кем или с чем именно он столкнулся во время ритуала, могут подождать. А вот узнать, что творится ныне в Терсалиме, необходимо как можно быстрее. Для этого нужно связаться с ари Форном, комендантом недавно завоеванного города.

Может, после этого разговора исчезнут все вопросы?

Харугот взял в правую, изуродованную руку висевший на шее овальный медальон. Сосредоточился, и по вязи символов Истинного Алфавита, что тянулись вдоль края парного талисмана, побежали золотистые огоньки. Побежали и... более ничего не произошло.

Консул нахмурился, и повторил попытку, затем еще раз, и еще.

Ему никто не отвечал, и это могло значить, что второй талисман, находившийся у ари Форна, поврежден. Или старый таристер мертв. Или не желает отвечать. И то, и другое, и третье было одинаково неприятно.

– Великая Бездна... – пробормотал Харугот, думая о том, что сил на еще одну попытку добраться до Терсалима с помощью магии у него просто нет. Значит, придется позвать тех, у кого сил в избытке...

Он закрыл глаза и послал неслышный для обычных роданов клич.

Вскоре в коридоре раздались шаги и голоса, и в комнату вошли четверо учеников в бурых балахонах.

– Мы в вашем распоряжении, мессен, – сказал один из них, высокий и плечистый, с выющимися русыми волосами, и все четверо склонили головы.

– Образуйте круг, создайте «летающий глаз» и отправьте его в Терсалим. Надо узнать, что там творится.

Одиночный маг, умеющий создавать «летающий глаз», с его помощью может заглянуть на десяток миль, не дальше. Но мало кто знает, что если несколько чародеев объединят силы, их «летающий глаз» окажется способным достигнуть очень далеких земель.

Но, с другой стороны, это заклинание, в отличие от того, что ранее использовал сам консул, не так устойчиво и менее точно. Оно не позволяет увидеть детали, от него при желании можно закрыться или разрушить сам «глаз» точно нацеленным контрзаклинанием.

– Конечно, мессен, – почтительно отозвался русоволосый, чье имя было Жарат, а предки жили в графстве Укуза между Золотым государством и Тердумеей.

Четверо учеников встали в круг, словно танцоры, и положили руки друг другу на плечи. Склонили головы и замерли, даже вроде бы перестали дышать. По телам прошла судорога, и

Харугот увидел, как вверх скользнула тень «летающего глаза», похожего на полупрозрачный цветок размером с колесо, на каждом из лепестков которого – несколько зрачков...

Некоторое время ничего не происходило, а затем Жарат заговорил искаженным от напряжения голосом:

– Вижу город... стена со стороны порта разрушена... много следов от пожаров... черные пятна... их с дюжину...

– Порт рассмотри подробнее! – приказал консул. – Что там около причалов?

– Пепел... пепел... и тела обгорелые... и посеченные, в том числе и наших собратьев... мертвы, все мертвы...

– Ищи живых, и ари Форна! – Харугот ощутил тревогу.

Не может быть такого, чтобы разом сгинули все ученики, находившиеся в Терсалиме! И куда пропал комендант? Или он тоже погиб во вчерашней схватке?

– Нет живых... – отозвался Жарат. – Ничье сердце не бьется, все огни погасли... пусто... пусто...

Своих выкормыши консула чувствовали великолепно, а это значило, что пятеро учеников, оставленных в бывшей столице Серебряной империи, и в самом деле погибли.

– Ари Форна тоже не вижу... – Жарат застонал, его сосед шмыгнул носом, из которого наверняка потекла кровь. – Странно, на улицах и площадях кое-где видны деревья, они просили сквозоз мостовую...

– Нечего обращать внимание на всякую ерунду! – осадил ученика Харугот. – Смотри, что с замком...

– Знамена с нашим гербом на месте, воины на стенах, но их очень мало, и створки закрыты... а у городских ворот... никого нет из наших... только местные... только местные...

Консул сжал кулаки, уголок его рта дрогнул. Все понятно, Терсалим восстал против регента, и все, что творилось вчера – не что иное, как часть хитроумного плана. Но только каких союзников сумели найти бунтовщики, что те оказались способны победить и убить его учеников?

Ари Форн, похоже, мертв. Счастье еще, что императорский замок остался в руках гарнизона.

– Хватит, достаточно, – приказал Харугот.

Ученики опустили руки, задышали шумно и тяжело, словно роданы, только что таскавшие мешки с зерном.

– Вы свободны, – консул поднялся из кресла. – Возвращайтесь к себе и восстанавливайте силы. А ты, Жарат, пойдешь со мной, у меня для тебя есть особое задание.

Харугот вслед за учениками вышел в коридор, и шестеро Чернокрылых у двери мгновенно вытянулись в струнку. Щелкнули каблуками, ладони положили на рукояти мечей. Двое остались на месте, охранять комнату, а четверо, чеканя шаг, направились следом за Харуготом.

Длинным коридором он вышел к устланной коврами лестнице и спустился по ней в зал для приемов. Шагнул из главной башни во двор замка, невольно зажмурился, когда лица коснулись лучи яркого весеннего солнца.

Не успел сделать и нескольких шагов в сторону пристроенной к стене казармы Чернокрылых, как из ее дверей вышел командир гвардии, седоусый и мощный, чем-то похожий на моржа.

– Мессен, – он склонил голову.

– Тратис, – сказал Харугот, – выбери лучшего из сотников, самого умного и опытного. Пусть ему и его людям выделяют быстрейших лошадей и все амулеты неутомимости, что у нас есть...

Командир Чернокрылых, служивший консулу более пятнадцати лет, выслушал приказ, и лицо его, широкое и морщинистое, не отразило никаких чувств – ни удивления, ни растерянности.

– Все понял, мессен, – произнес он. – Они будут готовы выступить до вечера. Поведет их Адорт, вы должны его помнить по прошлым делам... Этот молодой человек, – Тратис бросил взгляд на Жарата, – отправится с ними? Вот только, мессен, хотелось бы знать, что там такое...

– Это и мне хотелось бы знать, клянусь Великой Бездной. – Харугот покачал головой. – Если бы я знал, то приказал бы отправить не разведку, а войско.

Мысль о том, что только-только распущенные дружины и полки так или иначе придется собирать заново, он старательно гнал прочь.

– Ясно, мессен, – кивнул Тратис. – Разрешите выполнять?

– Действуй.

Консул посмотрел, как командир Чернокрылых заспешил прочь, на ходу прочищая плотку, а затем повернулся к Жарату:

– Твоя задача – не вступать в бой, а следить. Постарайся не обнаруживать себя. Как только заметишь что-нибудь необычное, немедленно дай мне знать. Примени Волны Тьмы.

– Да, мессен, – ученик поклонился.

Харугот смерил его испытующим взглядом, развернулся и зашагал к главной башне. Предаться праздности некогда. Дела, в океане которых тонет любой правитель, ждать не станут...

Постоялый двор «Дубовый лист», что расположен в десяти милях к северу от Терсалима, известен далеко за пределами Серебряной империи, как и его хозяин, Арек Дуб. До него заведением управляли отец и дед, носившие то же имя и прозвище, и они поставили дело так, что тут не считали зазорным остановиться богатейшие купцы изо всех уголков Алиона.

В «Дубовом листе» ночевали и отдавали должное его кухне таристеры, графы и герцоги, не говоря уже о простых, но состоятельных путниках. Всех тут ждал обильный ужин и удобная постель.

Война, прокатившаяся по империи подобно гигантскому опустошительному пожару, привела к тому, что дела у Арека пошли много хуже, чем раньше. Но он был человеком умным, и поэтому не забывал благодарить богов за то, что «Дубовый лист» уцелел, и никому не пришлось в голову его сжечь. Да, гостей стало меньше, разграбили запасы в кладовых, но постоялый двор жил, и вовсе не собирался умирать.

В двенадцатый день второго весеннего месяца Арек Дуб встал, как обычно, затемно, и принялся за дела. Поднял слуг, проследил, чтобы они натаскали воды и разожгли огонь в печи.

Заведенный в «Дубовом листе» распорядок не нарушил даже невиданный багровый рассвет, уронивший на землю кровавые блики.

– О, великие боги... – только и сказал Арек Дуб, выскочивший во двор на испуганные крики служанок. – Тяжкие испытания готовите вы несчастной земле Алиона... А ну, за дело! Что замерли, бездельницы?

Глядя на хозяина, кряжистого и могучего, как старое дерево, служанки понемногу успокоились. Вновь захлопотали, разбежались в стороны, и владелец «Дубового листа» остался в одиночестве.

И тут увидел, что в ворота входят гости.

Впереди крался здоровенный рыжий кошка, глаза которого были золотыми, а хвост украсил бы любую лису. За ним шли два молодых человека, один повыше и покрепче, с

русыми волосами и родинкой на щеке, второй – пониже и постройнее, белобрысый, оба с мечами.

Следом топал самый настоящий гном, чернобородый и смуглый, с наглой мордой и боевым цепом в лапе. Рядом с ним – тут Арек не поверил собственным глазам – держался эльф, высокий и золотокудрый, с белым надменным лицом, которого никогда не тронет загар.

Позади виднелись еще двое: светловолосая девушка с луком и мечом, и странный на вид молодой человек, чьи щеки покрывали веснушки, лицо было искажено мучительным недоумением, а рот – слегка приоткрыт.

– День добрый... – несмотря на изумление, Арек не забыл о долге хозяина. – Чем могу служить?

– Такой ли уж он добрый, клянусь пятками Аркуда? – буркнул гном, и только тут владелец «Дубового листа» заметил, что верхняя секция цепы покрыта засохшей кровью. – Пока он скорее злой... Ты нас чем порадуешь, ха-ха?

Выглядели путники заморенными и усталыми, одежду их покрывала пыль, да еще и подозрительные темные пятна. Похоже было, что ночью им довелось не только шагать, но и сражаться.

– Остынь, Гундихар! – одернула гнома девушка.

Русоволосый молодой человек улыбнулся, мягко, но как-то замедленно, словно мускулы лица слушались его с трудом.

– Нам нужен завтрак... – сказал он. – Комнаты, и баня, я думаю... И надо узнать насчет лошадей.

Рыжий кот подошел и принялся тереться о ноги Арека.

– Конечно, проходите, – зататорил хозяин «Дубового листа», раздумывая, откуда могла взяться такая странная и разношерстная компания. – Комнаты у нас есть какие угодно, завтрак будет скоро готов. Насчет лошадей я распоряжусь узнать немедленно. Полагаю, что в Эйн-Геди, это поселок в паре миль к востоку, должны быть скакуны на продажу...

Он проводил гостей до крыльца, распахнул дверь и отступил в сторону, давая дорогу. Поймав холодный взгляд белобрысого, вздрогнул от внезапного страха, точно наткнулся на ядовитую змею. А встретившись с глазами веснушчатого, ошеломленно потряс головой.

На миг показалось, что они полностью зеленые, без зрачка и радужки.

– Вот сюда, за мной... – бормотал Арек, торопливо шагая к коридору, ведущему к комнатам. – Все сам покажу...

Гости выбрали одну большую комнату на шестерых и принялись устраиваться. Рыжий кот куда-то исчез. Хозяин «Дубового листа» получил несколько золотых монет чеканки Старших эльфов, вернулся в большой зал и принялся отдавать распоряжения.

Двое слуг застучали топорами, готовя дрова для бани, еще один оседлал коня и помчался в Эйн-Геди, на кухне воцарилась лихорадочная суeta. Зарычал повар, запахло гречневой кашей со шкварками и горячим хлебом.

День был заполнен обычной суматохой и прошел быстро. Солнце свалилось за горизонт. Зал почти опустел – только шестеро утренних гостей сидели за столом в углу, пили пиво и негромко разговаривали.

Стоявший за стойкой хозяин «Дубового листа» дорого бы заплатил, чтобы услышать эту беседу.

Но на самом деле пока речь шла о вещах довольно обычных.

– Ты всех лошадей осмотрела? – спросил белобрысый молодой человек, откликнувшийся на имя Харальд и появившийся на свет вовсе не под небом Алиона.

– Конечно, корни и листья, – отозвалась девушка. – Копыта и зубы проверила, седла и уздечки – тоже. Или ты мне не доверяешь?

И она бросила косой взгляд на русоволосого обладателя родинки на щеке, шрама на шее и седины на висках.

– В том, что касается лошадей, ты, Саттия, умнее всех нас, ха-ха, – заявил гном, наливая из кувшина в свою кружку еще пива. – И Гундихар фа-Горин готов подтвердить это как угодно и где угодно.

Русоволосый, на среднем пальце левой руки у которого сидело массивное кольцо из красноватого металла, кивнул:

– Это верно. Лошадей мы добыли, но на то чтобы нормально поговорить, времени у нас так и не было. Клянусь Селитой, хотел бы услышать, что случилось с вами после того, как я... после того, как рухнули храмы на Теносе.

– Сейчас услышишь, – буркнула Саттия. – Есть у нас один любитель байки травить. Ты только не забывай, что половину он сочиняет.

– Вот и не половину, готов заложить собственную бороду! – Гундихар сделал вид, что обиделся, но надолго его не хватило. – Слушай, Олен, и не говори потом, что я о чем-то умолчал...

И он принялся рассказывать.

Русоволосый молодой человек узнал о том, что его давние спутники два месяца провели на Теносе. Покачал головой, услышав про визит на остров галеры поклонников Тринадцатого. Когда речь зашла об эльфийском корабле, поглядел на сидевшего у стены сельтаро.

Вилоэн тар-Готиан, бывший сотник гвардии герцога тар-Халид, не обратил на это внимания.

– Надо же... – пробормотал Олен, узнав про посланца Великого Древа, его силу и победы над нагхами.

Гундихар не изменил себе. Гном приукрасил повествование разными деталями, вызвавшими смешки Саттии. Слегка преувеличил собственные подвиги, кое о чем забыл, но в общем и целом рассказал все верно.

– Впечатляет, – сказал Олен Рендалл, опуская ладонь на рукоять висевшего на поясе меча, будто проверяя, на месте ли тот. Жест этот давно сделался для наследника безарионского трона привычным. – Кто бы мог подумать...

– А теперь ты. – Гундихар осклабился и смачно рыгнул. – Во время той катастрофы тебя, как я понимаю, зашвырнуло очень далеко.

– Так далеко, что ты представить не можешь... – Олен на миг задумался, погладил лежавшего на лавке кота. Тот имел банальную кличку «Рыжий», но при этом относился к породе оциланов, необычных, почти вымерших в Алионе животных. – Невероятно далеко...

Упоминание о другом мире заставило Гундихара поперхнуться пивом, Саттию – вытаращить глаза, и даже эльфа вывело из состояния ледяной невозмутимости. Вилоэн тар-Готиан пробормотал что-то себе под нос и с этого момента слушал с откровенным интересом.

Олен рассказал о Вейхорне, о разных народах, что населяют его многочисленные материки. Упомянул о тамошних богах, решивших овладеть ледяным клинком и перстнем по имени Сердце Пламени, об уттарнах, представителях странного племени, что кочует между мирами...

– Ты встречался с этими засранцами? – гном сжал кулачищи и саданул ими по столу. – С мерзкими гадами, устроившими все это безобразие на Теносе? Ох, дотянуться бы мне до их глоток...

– Встречался. И только благодаря одному из них вернулся домой, – ответил Рендалл.

Вспомнил знакомство с Харальдом, долгий путь к Цантиру, старейшему городу Вейхорна. Именно в его пределах маг-уттарн по имени Рик сотворил великое чародейство, которое вышвырнуло двоих людей из одного мира и доставило в другой. И только об одном не упомянул – о девушке-лиафри по имени Хельга, и не только потому, что она рассталась с жизнью...

Саттия вроде бы не смотрела на Олена, но он чувствовал ее внимание, ощущал, что девушка слушает с жадностью.

– Ух, здорово! – воскликнул Гундихар, когда рассказ был окончен. – Вот бы мне побывать за пределами Алиона! Постранствовать по всяческим мирам! Хотя для этого и тысячи лет не хватит, ха-ха.

Харальд криво улыбнулся, но ничего не сказал.

Подошел хозяин, заменил догоревшие свечи в подсвечнике, и спросил, не нужно ли чего.

– Ладно, с прошлым мы разобрались, – произнесла девушка, когда Арек Дуб удалился к стойке. – Осталось разобраться с будущим. Лошади есть, и нужно решить, куда мы завтра отправимся.

– В Безарион, куда же еще? – глаза Олена сузились, в них загорелся мрачный огонь, молодое и симпатичное лицо сразу постарело, сделалось жестким и даже жестоким. – В гости к Харуготу.

– Как же! Э... Мне надо в Опорные горы! Ты забыл, да? – вступил в разговор обладатель веснушек и рыжей непослушной шевелюры. – Семя не прорастет, и мир обречен... ждет гибель...

Звали его Бенеш, и был он, несмотря на молодые годы и стеснительность, очень хорошим магом. А также, если верить эльфийским легендам и чародеям, посланником Великого Древа.

– Но ведь не завтра же? – фыркнула Саттия и отвела со лба выбившуюся из прически прядь, серебристую, почти седую. – Да и добраться отсюда до Опорных гор непросто. Придется двигать через Тердумею, а там нам вряд ли будут рады. И дороги на востоке ужасные.

По извилистым и узким трактам восточного королевства они путешествовали прошлым летом, и даже тогда по ним было сложно передвигаться. Сейчас же, когда в Алионе властвовала весна, тамошние большаки и вовсе представляли собой скорее препятствие.

– Но я все равно должен туда попасть... – растерянно захлопал глазами Бенеш. – Как-либо...

– Так и не объяснил зачем. – Гундихар принялся наматывать на палец пряди черной бороды. – Чего там делать? Пиво с Безымьянным пить? Так он не нальет, а еще и сам сожрет...

– погоди, – остановил его Олен. – Раз Бенеш говорит, что ему туда нужно – так и есть. Зачем – другой вопрос. Но Саттия права – через Тердумею добраться до Опорных гор сложно. Зато до самых предгорий можно легко доплыть по Дейну, если сесть на корабль где-нибудь в Безарионе. Как тебе такой план?

Молодой маг задумался, захрустел пальцами, а потом заговорил, сбивчиво и торопливо:

– Да, наверное... это можно, да... только времени очень мало, поэтому нужно... я обязан попасть туда.

– И попадешь, – кивнул гном. – Мы ж завтра с утра выезжаем? А по старому тракту до Безариона быстро доберемся, его ж никакая распутица не возьмет, не будь я Гундихар фа-Горин, ха-ха! Но для дальнего пути нужны силы, а чтобы они были, надо выпить пива. Эй, хозяин, ты где?

Арек Дуб правильно понял красноречивое размахивание руками, и поспешил к столу с полным кувшином.

– Я пойду спать. – Тар-Готиан поднялся, отодвинул стул и вышел из зала.

– Такие они, эльфы. – Гном высунул широкий, как лопата, язык. – Чванливые. С честными роданами и выпить не хотят, – сердитый взгляд Саттии, в жилах которой текла четверть крови альтаро, он предпочел не заметить. – Эх, подставляйте кружки, налью до самой до макушки!

На призыв гнома откликнулись все, и янтарная жидкость потекла из кувшина, поползла вверх белая пена в кружках.

– Значит, в Безарион, – сказал Харальд, отхлебнув из своей посуды. – А что мы там будем делать?

– Все очень просто. Убивать Харугота. – Олен улыбнулся краем рта. – А вот как убивать – не очень ясно. Обычное оружие его не возьмет, да и мое тоже, – он погладил эфес меча. – Думаю, нужно подкрасться к нему поближе и пустить в ход твою силу, Саттия...

Девушка во время их пребывания на Теносе стала Хранителем Тьмы, и ныне в ее голове содержались все знания о ней, доступные роданам Алиона.

– Посмотрим, – мрачно ответила она. – Да и «подкрасться» – большой вопрос, ведь его охраняют.

– Я могу попробовать... – подал голос Бенеш. – Учеников смог, почему не сумею одолеть учителя? Сила жизни способна сокрушить все... нужно только нащупать точки, которые отдают слабину потока...

Изменение, произошедшее с молодым магом после обретения силы Великого Древа, наделило его невероятным могуществом. Но в то же время изменило его разум, сделало Бенеша почти невменяемым.

Иногда бывшего ученика Лерака Гюнхенского заносило, и он начинал говорить совершенно невнятные вещи. Причем сам хорошо понимал, о чем ведет речь, и мучился от невозможности хоть как-то объяснить другим.

– Ну, если ты возьмешься за дело, тогда успех обеспечен, ха-ха, – вмешался Гундихар, глаза которого заблестели от выпитого. – А уж если я примусь махать «годморгоном», то врагам только и останется, что удирать... Как тогда, в битве! Хрусть, и пополам! Бах, и насмерть!

Страсть к хвастовству в фа-Горине была столь сильна, что могла поспорить с любовью к пиву.

– Я тоже пойду спать, – Харальд отодвинул кружку. – Днем, конечно, удалось подремать, но это не то.

Он кивнул и удалился.

– Олен, ты знаешь... – начал Бенеш. – Ты понимаешь, кто он такой? И почему он так... это, похож на тебя, да? Мне больно смотреть... Вы выглядите чужими, не такими, как роданы.

– Понимаю. Таких как мы, – Рендалл дернул себя за мочку уха, – на древнем языке уттарнов называют «йоварингару». А это значит – «странник, нарушающий покой». Харальд прожил, по его словам, много тысяч лет. И то же самое ожидает и меня... Если удастся одолеть Харугота, – закончил он совсем тихо, почти шепотом.

Бенеш вытаращил глаза, Саттия судорожно вздохнула и отвела взгляд.

– А я понимаю, что устал слушать ваши мудреные речи, клянусь передником моей бабушки, – заявил Гундихар. – Пойду, узнаю, как тут насчет податливых девчонок.

Расцветали тыквы и арбузы, поплыли туманы над ботвой.

Выходила на берег девчушка, на высокий берег на крутой...

Продолжая напевать, он выбрался из-за стола и зигзагами двинулся к стойке. Добравшись до нее, точно корабль до гавани, он завел разговор с хозяином «Дубового листа».

– Йоварингару... – произнес Бенеш. – Где-то я встречал это слово, читал о них, да. То ли в трактате «Недостовверные магические сказания» Вахтаука из Ородрима, то ли в древней хронике... Вот только чьей?

– Думаешь, кто-то из них достигал Алиона? – спросил Олен.

– Почему нет? – с вызовом бросила Саттия. – Думаешь, ты один такой особенный, смог перебраться из одного мира в другой?

Обида заставила Рендалла заскрипеть зубами, но он сдержался, не сказал ничего в ответ.

– Да, если вспомнить Безария Основателя, что привел людей в Алион... – продолжал рассуждать вслух Бенеш. – Ведь они шли за ним, как стадо за пастухом... А он сам... вполне мог быть йоварингару... Его появление в нашем мире вызвало разрушение... падение равновесия, да... Только он не жил долго.

Беседа гнома с Арekom Дубом закончилась взрывом хохота, после чего Гундихар заковылял к входной двери. Исчез за ней, и вскоре из-за окна донеслась исполняемая в полный голос песня.

– Ну и орет, – заметил Олен, потянулся к кувшину и с удивлением обнаружил, что тот пуст. – Да он все выхлебал! Вот борода!

– Я тоже пойду, да, – Бенеш наконец сообразил, что он тут третий лишний, или и в самом деле захотел спать.

Грохнул отодвинутый стул, прозвучали, удаляясь, шаги, и они остались вдвоем. Девушка сделала вид, что ее очень интересует выцарапанный на столешнице непотребный рисунок, а Рендалл собрался с духом и заговорил.

– Саттия, я хотел сказать... – слова застряли в горле. – Не было времени... На самом деле я очень рад тебя видеть, я по тебе соскучился.

– Да? – Она одарила собеседника ироничным взглядом. – По тебе не скажешь. Наверняка всех девок перещупал в этом... как его?.. Вейхорне.

Обида второй раз кольнула сердце.

– Ни одной не тронул. – Олену вспомнилась Хельга, ее горячий шепот во тьме, Алинэ с волосами цвета огня и глазами, словно полными светящейся воды. – Если не веришь, могу поклясться.

– Ваши мужские клятвы ничего не стоят, – уверенно заявила Саттия. – Так что не трудись.

– Так ты что, мне не веришь?

– Не то чтобы совсем не верю... – девушка повела плечиками.

– Понятно. – Вот тут он не сдержался и выплеснул накопившуюся злость: – Это все потому, что ты сама подцепила этого сельтаро. Оно и верно, куда мне до него, до чистокровного эльфа! Не прошло и нескольких месяцев! А я ждал нашей встречи, надеялся...

Синие глаза Саттии гневно блеснули.

– Ждал? Надеялся? – почти выкрикнула она. – Эти байки будешь рассказывать очередной подружке на сеновале! Чего же ты тогда вчера стоял как истукан, когда меня увидел? Или рассчитывал никогда больше не встретиться?

– Послушай, я...

Но слова эти пропали зря.

– А я думала о тебе, вспоминала! – продолжала бушевать девушка. – На этом проклятом острове! Чуть не плакала, когда считала, что ты погиб! И в глубине души верила, что ты жив! И зачем? Ради чего, корни и листья? Дура набитая! Ты прав, этот сельтаро намного лучше тебя!

Спавший на лавке Рыжий поднял голову, негромко мяукнул и удивленно заморгал золотистыми глазами.

– Так что оставайся тут со своим зверем! – распалившаяся Саттия вскочила и, гордо задрав нос, зашагала прочь.

– Мяу? – оцилан встал, потянулся, выгнув спину, и сочувственно толкнул Рендалла лбом в бок.

– Вот зараза, а? – сказал Олен, чувствуя, что сердце колотится, как бешеное, а дышать тяжело. – Что она со мной делает? Вот у вас наверняка просто: встретились, потом разбежались, и никаких хлопот. Ведь так?

Он погладил Рыжего, и тот с готовностью заурчал, подставил живот для чесания.

Входная дверь грохнула, и в «Дубовый лист» ввалился Гундихар, такой мокрый, будто справлял малую нужду против настоящего урагана.

– Там бочка была... – объяснил он, осоловело моргая. – Я слегка сполоснулся... Что, еще выпьем?

Олен подумал, и кивнул.

Арек Дуб нацедил очередной кувшин пива, гном взял его и заковылял к столу.

– Давай кружку, клянусь брюхом Аркуда! – Тут сквозь пелену хмельного тумана до Гундихара дошло, что с его собутыльником не все в порядке. – Что-то ты кисловат, дружище. Девица тебя отшила?

– Ну... да, – неохотно подтвердил Рендалл. – Вот объясни, почему она так со мной поступает, а?

– О, женщины, это такой интересный предмет. Они либо есть, либо их сразу нет, – не очень внятно объяснил гном. – Для того, чтобы о них беседовать, надо выпить. Давай махнем по одной, а потом я тебе все подробно объясню. Гундихар фа-Горин, ха-ха, на отлично разбирается во всяких бабских штучках...

Олен вздохнул тяжело, словно обреченный на казнь, и подвинул кружку к собеседнику.

Вечер обещал быть долгим.

Глава 2. Знамения

Последняя из приставных лестниц с треском сломалась. Вниз с криком полетели забивавшиеся по ней воины, и Ларин фа-Тарин стиснул кулаки.

– Кровь глубин... – пробормотал он, думая, что сегодня десятки жизней были отданы зря.

Ратники, идущие в бой под стягом с Молотом и Крылатой Рыбой, завалили ров. Сумели подойти вплотную и поднять лестницы. Но засевшие в замке хирдеры барона ари Курга, одного из знатнейших таристеров Южной Норции, показали, что готовы отразить еще не один штурм.

Башни отхаркнулись стрелами, заструился дымок от чанов с расплавленной смолой, полетели бревна, ломая лестницы, убивая роданов. Маг барона смог отбить чародейскую атаку, а ари Кург возглавил контрудар, нацеленный на двигавшийся к воротам таран.

Его обслуга была перебита, а ствол толстого дуба, окованный стальными полосами, подожжен.

К фа-Тарину подошел тал-Долланд, командир первой сотни:

– Что будем делать?

– Отступать, – буркнул гном, думая, что еще несколько таких приступов, и от его тысячи останется только название.

С момента битвы у реки Норц прошло десять дней, и пять из них войско Господина провело у замка ари Курга. Именно тут, в центре королевства, закончилось победоносное наступление явившейся из Архипелага рати. Расположенная на берегу большого озера цитадель сумела отбить четыре приступа, и не только благодаря глубокому рву и высоким стенам.

В отличие от тех вояк, что противостояли воинам Тринадцатого ранее, защитники этого замка были готовы сражаться до последнего, и о бегстве даже не думали.

– Отступать? – узкое лицо эльфа стало мрачным.

– А что же еще делать? Не биться же в стены лбами? – проворчал фа-Тарин, и тут от шатра командовавшего войском Равида из Касты долетело пение труб, подавших сигнал «отходить».

Тысячник покачал головой и рывкнул:

– Все назад! О раненых не забывайте!

– Назад! Отступаем! – заголосили услышавшие сигнал сотники, и пехотинцы начали отходить, прикрываясь щитами. Шагали без спешки, на ходу подбирали своих товарищей, которым сегодня не повезло получить стрелу. На то, чтобы выносить трупы, время не тратили.

Со стен и башен донеслись ликующие крики, налетевший ветер развернул полоскавшееся над донжоном знамя барона – золотисто-алое, с четырьмя черными львиными головами.

– Радуются, проклятые, – сказал тал-Долланд. – Но ничего, сила Господина сокрушит всех врагов...

И глаза его фанатично сверкнули.

«Сокрушит обязательно, – подумал фа-Тарин, – только мы все при этом погибнем, скорее всего».

– Я к Равиду на военный совет, – сказал он, зная, что сейчас, как и после прежних неудач, полководец соберет тысячников, чтобы обсудить положение. – А ты проследи, чтобы все было как положено.

В отсутствие тысячника его заменяет именно командир первой сотни.

Эльф кивнул, и Ларин фа-Тарин в сопровождении парочки гонцов зашагал к шатру Равида. Увидел, что туда же со всех сторон двигаются предводители других тысяч, а вскоре столкнулся с одним из них, Ворт-Ласом, гоблином родом из Милеса.

– Опять нам врезали, – угрюмо сказал тот фа-Тарину. – Может быть, попытаться с воды их взять? Лодки построить, плоты... Как думаешь? Моих сегодня погибло страсть, чуть ли не половина. Это же ужас, как думаешь?

Ворт-Лас был толковым и дельным командиром тысячи, но обладал одним недостатком – любил поговорить. Гном знал, что его участия в беседе не требуется, поэтому просто кивал время от времени, не особо вслушиваясь в болтовню соратника.

Равид из Касти встретил их у входа в свой шатер, большой, из плотной багровой ткани: – Вы первые.

Был командир войска Господина высок и светловолос, глубоко посаженные глаза казались темными, и нелепо смотрелся на лице очень маленький нос. Когда-то Равид был наемником, много времени провел, переходя от одного правителя к другому, и только пять лет назад нашел того, кому согласился служить до конца жизни.

И им оказался Господин.

– Мы не стали ждать приглашения, – ответил фа-Тарин, и тут за его спиной прозвучал полный изумления крик.

– Что... – Равид из Касти глянул вверх, удивленно вытаращил глаза, и стало видно, что они на самом деле голубые.

Ворт-Лас открыл рот, собираясь что-то сказать, а фа-Тарин поспешно обернулся.

По небу плыли большие облака, напоминавшие горы взбитых сливок. Между ними висело солнце, почти по-летнему теплое и яркое. А вот на востоке, над лесом, виднелась багрово-синяя туча, и эта туча приближалась. Метались в ее толще черные тени, похожие на птиц...

Но тут фа-Тарин оценил, какого они должны быть размера, и по спине его побежал холодок.

– Что это? Что это такое, во имя Господина? – забормотал Ворт-Лас. – Как вы думаете, что это?

– Пока не знаю, – ответил Равид из Касти, – но предполагать стоит худшее... – Он повысил голос: – Троих пленников ко мне!

С пленниками в войске Тринадцатого обходились очень бережно. Их лечили, кормили, а также рассказывали об истинном боге, о том, что дарует он своим верным последователям. Водили на молебны, на жертвоприношения, чтобы норцийцы видели чудеса, творимые силой Господина.

Новообращенных отпускали на все четыре стороны, тех, кто хотел, оставляли при войске – должен же кто-то копать ямы для сортиров, заваливать рвы, рубить дрова, делать прочую грязную работу?

Тех же, кто упорствовал в ложной вере, использовали в качестве жертв.

– Мигом будут, – ответил бородатый сотник, командовавший личной сотней Равида, и побежал куда-то за шатер.

Туча приблизилась, стало понятно, что тени внутри нее мало напоминают птиц.

– Помилуй нас, Сокрытый... – прошептал фа-Тарин, разглядев существо, похожее на рака, но прозрачное, и со стрекозиными крыльями размахом в сотню локтей. – Что это за твари? Неужели придется сражаться и с ними?

Сам того не замечая, он тискал рукоять боевого топора.

Уже все в лагере заметили странное явление. Кто-то замер от удивления и страха, кто-то упал на колени и начал читать молитвы. Со стен замка тоже глазели вверх, забыв о собственной победе, тыкали пальцами. Самые отчаянные натягивали луки, готовясь стрелять.

Бородатый сотник вернулся, шестеро воинов приволокли троих пленников со связанными за спиной руками.

– Приготовить алтарь, – приказал Равид из Касти. – Если что, призовем силу Господина. Он защитит нас.

К шатру потихоньку сходились другие тысячники.

Туча опустилась ниже, к самым вершинам деревьев. Достигнув опушки, она замерла. Заключенные в ее толще существа закружились, заметались туда-сюда, точно мошकारа в солнечный день. Стали слышны хлопки множества крыльев, рычание, свист и рев.

Все звуки перекрыл громкий треск. На опушке зашатались и рухнули две огромные сосны, полетели сломанные ветви. А из прорехи в стене леса вышло существо, похожее на человека, но в тридцать локтей ростом, с тремя парами рук и антрацитовый чешуей вместо кожи.

Рядом с ним появилось нечто напоминавшее кита, но на бычьих ногах и с гребнем на спине. За их спинами завозилось еще что-то, плохо различимое, но похожее на клубок черных нитей размером с дом.

– Пятой, четвертой, третьей и шестой тысячам – развернуться строем на восток! – командовал Равид из Касти. – Лучники всех сотен – во вторую линию, конница – готовность!

Все верно, лучше подготовиться к отражению возможной атаки, но при этом часть сил отрядить для того, чтобы следить за оставшимся в замке гарнизоном ари Курга. Если нападения не последует, то тем лучше...

Забегали тысячники, зазвучали команды, от места, где стояли всадники, донеслось испуганное конское ржание. Ларин фа-Тарин, чьи воины находились на западном фланге и сейчас оказались в тылу, остался на месте. Тал-Долланд сам поймет, что творится, и обойдется без командира.

А тот останется тут, и посмотрит, что будет дальше.

– Сами мы в атаку не полезем, – процедил Равид из Касти, и голос его прозвучал тревожно, – но если они сунутся... Но кто это такие, вразуми меня Господин, и откуда они взялись?

Чудовищный хоровод в небесах распался, из него вылетело одно существо и, неспешно размахивая радужными крыльями, двинулось в сторону войска Господина. Лучники нацелили стрелы вверх, заскрипели натягиваемые тетивы, но Равид из Касти крикнул:

– Не стрелять!

Существо, приближавшееся к ним, напоминало очень большого сома, сумевшего вырастить на брюхе многочисленные короткие ножки. Темная кожа его лоснилась, глаза смотрели осмысленно и злобно, над верхней губой свисали усы, а с хвоста капала белая слезь.

Фа-Тарин увидел, что там, где она падает, начинает подниматься дымок.

Воины, над которыми пролетало чудовище, поспешно разбежались, чтобы ядовитые капли не попали на них.

– Вразуми меня, Господин, – повторил Равид из Касти, и бросил быстрый взгляд на фа-Тарина. – В случае моей гибели вы все знаете, что делать.

Гном кивнул.

Войско Тринадцатого жило по принципу – никакой родан не имеет значения, любого можно заменить. Давно обговорено, кто становится командиром в случае гибели сотника, тысячника или даже верховного полководца. Поэтому армия никогда не лишится управления.

Громадная тварь подлетела ближе, повисла над шатром, словно исполинский жук. Раскрылась огромная пасть, из нее донеслось тонкое шипение, а взгляд остановился на Равиде.

– Я тебя не понимаю, – сказал тот. – Ты можешь говорить?

Крылатое чудовище раздраженно дрогнуло, забило крыльями и описало небольшой круг. На землю вновь обрушилось шипение, но в этот раз в нем угадывались своеобразные «слова», ритмичные понижения и повышения тона.

– Я вновь не понимаю тебя, – Равид из Касты пожал плечами. – Если ты можешь немного подождать, то я вызову того, кто сможет разговаривать с тобой на равных. Того, кому мы служим.

Фа-Тарин подумал, что это верный ход. Они столкнулись с силой, что выше их понимания, а значит нужно призвать Господина. И пусть он разбирается с непонятно откуда взявшимися тварями.

Исполин ударил крыльями так, что на землю обрушился порыв ветра, и пошел вверх.

– Я так полагаю, что это значит «да», – влез Ворт-Лас.

– Готовьте алтарь, и одежду мне, – распорядился Равид.

Притащили белый камень жертвенника, одного из пленников уложили на него лицом вверх. Полководец облачился в накидку с Крылатой Рыбой, надел черную сафьяновую шапку с раздвоенным в виде рогов верхом, а в руку взял кривой нож, покрытый пятнами ржавчины.

– Молимся, братья, – сказал он, и тысячники, сотники, а также простые воины дружно забормотали:

– Во власти Твоей пребываем ныне, и скорбим о руке Твоей. Явись же, Сокрытый, что стал Явным...

Ритуал Вызывания, на который Господин обязательно отзовется.

Хрустнули ребра, пленник умер, и Равид зажал в кулаке его окровавленное сердце. Ту же операцию проделал еще с двумя норцийцами, и три комка легли на белую поверхность алтаря, по его бокам потекли багровые, почти черные струи. Потом камень жертвенника вспыхнул, вверх поднялся столб красного пламени, в стороны ударила волна жара.

Ларин фа-Тарин невольно отшатнулся и тут же укорил себя за слабость.

Из пламени шагнул Господин, полностью обнаженный, с огнем в глазницах и признаками обоих полов на гоблинском теле.

– Что такое? – проревел он, и от мощи этого голоса содрогнулась сама земля.

Равид из Касты молча указал на чудовище в вышине.

Господин посмотрел в небо, и лицо его отразило удивление. Он махнул руками и медленно поплыл вверх, оставляя за собой рубиновое свечение. Полетели на землю хлопья сажки – остатки сгоревших сердец...

Крылатый исполин распахнул пасть и зашипел, хвост его заходил из стороны в сторону, разбрасывая капли слизи. Тринадцатый ответил, и его шипение оказалось чуть более пронзительным.

– Они разговаривают... – с восторгом проговорил Ворт-Лас. – Велика сила Господина, ведомы ему языки всего Алиона! Да славится он, тот, кто изгнал тьму из ночи и свет из дня...

Фа-Тарин не разделял упоения соратника, его переполняло постыдное чувство – страх.

Честно говоря, уроженец Серых гор давно забыл, что это такое. Чего бояться тому, кто верно служит Господину, кому нечего терять, не о чем беспокоиться, и просто нужно верить и сражаться, отдавая все силы ради победы?

Но эти непонятно откуда взявшиеся существа, чудовища... Они внушали гному дикий, инстинктивный ужас, хотя не все выглядели жутко. Некоторые могли похвастаться дикой, необычной красотой. Дело было не в облике, а в глубокой, нутром осязаемой чуждости...

Они были другими, даже не такими, как боги, которых фа-Тарин видел в небе над Стри-тоном, и это пугало.

– Велика его сила, – подтвердил Равид из Касты, но голос бывшего наемника прозвучал неуверенно, словно он пытался убедить в сказанном прежде всего себя.

Крылатый исполин качнул головой, развернулся и полетел туда, где продолжала висеть сине-алая туча. А Господин так же медленно опустился на землю, и на лице его обнаружилась улыбка.

– Слушайте же меня! – прогрохотал он. – Это наши друзья и союзники, и ныне наша сила увеличилась стократ! Равид, – пылающий взгляд обратился на полководца, – немедленно отводи войска. Они сами возьмут этот замок. И дальше пойдут с нами, пока мы не сразим ложных владык Алиона...

Фа-Тарин получил приказ и с облегчением зашагал туда, где ждала его тысяча.

Находиться рядом с Господином, когда божественная сущность проявляется в нем, опасно даже для самых верных. Кроме того, гном боялся, что его страх и сомнения не ускользнут от пылающих глаз Тринадцатого, и наказанием за постыдные чувства может стать смерть на жертвенном камне.

Воины встретили тысячника полными надежды взглядами, на их лицах он прочел испуг и тревогу.

– Быстро собирайтесь, и отходим, – приказал фа-Горин, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и уверенно. – Господин, да славится имя его, привел под наши знамена союзников, – он махнул рукой в ту сторону, где стояли на опушке и кружились в небе разнообразные чудовища. – И отныне они будут воевать с нами.

По рядам воинов побежал шепот, и гном понял, что они вовсе не успокоились, что жуткие твари внушают трепет не только ему.

– Быстро! – повысил голос фа-Тарин. – Построение в колонны по сотням, направление движения...

Войско разворачивалось и шевелилось, точно огромный неповоротливый зверь. Доносились команды, топот и ругательства, палатки одна за другой опадали, скрипели колеса телег.

Со стен замка осажденные с удивлением наблюдали за тем, что происходит.

Пространство около цитадели очистилось, открылись рытвины, ямы и черные пятна кострищ. И в тот же миг воинство чудовищ испустило дружный вопль, который заставил вздрогнуть всех роданов, кто его услышал. Фа-Тарин покрылся липким потом, заскрипел зубами, пытаясь отогнать желание немедленно обратиться в бегство, рвануть прочь...

Сине-багровая туча двинулась вперед, пришли в движение замершие на опушке твари.

– О, Господин... – прошептал гном, глядя, как ползет нечто похожее на змею из металла, как летят бок о бок два существа с львиными телами, головами ящериц и крыльями летучих мышей.

В этой армии ни один солдат не походил на соседа по строю, и вряд ли они вообще знали, что такое строй. Но зато обладали невероятной силой и накопленной за долгие века жаждой крови...

Воины ари Курга сообразили, что чудовища собираются атаковать замок, и вверх полетели стрелы. Многие попали в цель, но вряд ли хоть одна причинила какой-то вред. Некоторые отскочили от чешуи, другие пролетели сквозь цель, третьи воткнулись в плоть, но те, кого они поразили, не обратили на стрелы никакого внимания.

Существо, похожее на клубок полупрозрачных змей толщиной в человеческое тело, рухнуло на вершину одной из башен. Крики тех, кто стоял на ней, сменил отвратительный хруст, будто раздавили паука размером с холм, и «клубок змей» задержался, расплзся в стороны...

Великан в чешуе перепрыгнул через ров и вышиб ворота небрежным движением ноги. Тварь, чьи очертания все время плыли, словно у облака густой тьмы, воспарила над двором замка, ее отвисшее «брюхо» оцетинилось множеством «сосцов», из них хлынула молочно-белая жидкость.

На этот раз крики звучали дольше, но было в них то же самое – страх и боль.

Воины Господина в потрясенном молчании наблюдали, как чудовища крушат замок и убивают людей, как летят куски стен и течет кровь. Все, ранее возглавлявшие ячейки и умевшие призывать и направлять силу Тринадцатого, чувствовали, как плоть мира трясется и искажается, словно чудовищный червь грызет тело Алиона, разрушая мышцы, кости, связки...

Ларин фа-Тарин понимал, что на самом деле происходит нечто другое, но по-иному описать свои чувства не мог.

– Помилуй нас, Господин, – сказал Наллиен тал-Долланд, когда упал донжон и поднялось облако серой пыли. – Они сильны, но мне бы не хотелось, чтобы эти твари все время находились рядом с нами...

И тысячник, которому полагалось одернуть сотника, промолчал.

В окна замка колотил первый сильный дождь этой весны, и стук бьющих в стекло капель непонятно почему раздражал Харугота. Хотя, скорее всего, виной был не шум, а место, где приходилось находиться консулу – тронный зал Золотого замка.

Тут он всегда чувствовал себя неуютно, ощущал холодные, ненавидящие взгляды мертвых императоров, прежних хозяев Безариона.

– Давай еще раз, видит Великая Бездна, – сказал Харугот, оглаживая подбородок. – С того места, где ты упомянул Федер...

Бородатый коротышка, капитан корабля, ходившего на разведку к берегам Южной Норции, растерянно заморгал, но быстро оправился.

– Как будет угодно мессену, – сказал он. – Около самого города видели суда с крылатой рыбой и молотом на парусе, это сведения точные, от магистрата. Федер настороже, никто не отваживается выходить в море. Поэтому и мы не рискнули. Поелику какой будет толк, если мы не вернемся? Собрал все доступные сведения и отплыл обратно. Герцог созывает вассалов, и на этот раз никто не проявляет непокорности...

Харугот хмыкнул – еще бы, эти надутые таристеры с красивыми гербами и сотнями благородных предков хорошо чувствуют, когда пахнет жареным. Если все спокойно, они будут хорохориться и задирать носы, а как припечет, мгновенно примчатся к сюзерену с воплем «спаси!»

– Доставляемые же из Норции слухи скудны и противоречивы, – продолжал коротышка. – Но мне удалось переговорить с двумя дезертирами. Один видел взятие Ревангера, другой – битву при реке Норц...

Капитан, несмотря на забавную внешность, был толковым и опытным человеком.

Харугот спокойно выслушал рассказ о том, как пала столица Южной Норции – внезапная атака, сами проворонили. Покачал головой, услышав, как войско баронов было разбито ополченцами – такое случается, когда благородные воины не ставят противника ни в грош, а тот спаян чем-то вроде дисциплины или искренней веры в дело, за которое сражается...

Но когда речь пошла об орде чудовищ, что разрушает замки и идет вместе с ратью Тринадцатого, он недоверчиво хмыкнул.

– Понимаю сомнения мессена, – проговорил коротышка, заметивший чувства консула. – Я сам не очень в это верю, но рассказываю только то, что слышали мои уши.

– Это ясно, – сказал Харугот. – Но стоит ли доверять тем, кто распространяет подобные байки? Сам знаешь, что во время войн слухи размножаются и цветут, точно сорняки на огороде...

На самом деле он вовсе не был уверен в том, что рассказы об орде чудовищ – ложь. Кто знает, может быть, так проявила себя та новая сила, о которой вещал не до конца, к

сожалению, выживший из ума Лерак? Но что это за сила и откуда она взялась, Харугот не имел представления.

Месяц назад он почувствовал, как весь Алион сотрясся в жесточайшей корче, как дрожь прошла по нему от небес до дна Великой Бездны. Но что ее породило – не сумела сообщить даже Великая Тьма, чьи частицы пронизывают все, проникают всюду и могут видеть что угодно.

Тогда Предвечная Госпожа оказалась слепа.

Но Харугот не собирался показывать собственную неуверенность и колебания тем, кем правил.

– А если учесть, что это война такая странная, – поспешно добавил он. – Южная Норция, что считалась могущественной, пала в считанные дни. Ревангер не устоял. Понятно, что роданы удивлены и напуганы, и чтобы объяснить все это, придумали орду чудовищ...

– Да, мессен, это правда, – согласился коротышка. – Но по всем сведениям, предводитель чужаков, его называют Господином или Тринадцатым – очень сильный колдун, чуть ли не равный бессмертным...

Консул слушал рассказ о том, что на захваченных землях рушат святилища хозяев Великой Бездны и Небесного Чертога и вместо них возводят чудные храмы, где приносят в жертву роданов, и смуглое лицо его все больше мрачнело. Неужели в самом деле воплотился тот, о существовании которого знали лишь мудрейшие служители богов и хитрейшие маги? Собрат тех, кто правил Алионом, немыслимое время назад непонятно почему низвергнутый и почти уничтоженный?

Харугот укорил себя, что никогда всерьез не интересовался Тринадцатым и его поклонниками, считая его самого – бессильным призраком, а их – безобидной сектой.

Как бы не пожалеть об этом...

Ясное дело, что вернувшийся из небытия бог полон ярости, жаждет отомстить и готов пойти на все ради победы. Отсюда и принесение в жертву роданов, позволяющее получить очень большую силу.

Вопрос в том – насколько он могуч? Насколько велика его мощь, на что годится явившаяся из Архипелага армия? Что выгоднее – вступить для начала в союз с тем, кто именует себя Господином, чтобы сокрушить нынешних хозяев Алиона, а потом сразить его самого или же выступить против него, и под стягом войны за веру наложить руку на земли северо-запада?

Слуха Харугота достиг осторожный кашель, и консул понял, что задумался, капитан-коротышка молчит, а в окно так же лупит дождь.

– Благодарю тебя за сведения, – проговорил он, с досадой подумав, что способность к сосредоточению внимания, которой правитель Безариона всегда гордился, неожиданно оставила его. – Можешь идти. За труды ты будешь вознагражден, канцлер за этим проследит.

Стоявший справа от трона Редер ари Налн кивнул и сказал:

– Конечно, мессен.

– Рад служить, – коротышка поклонился и затопал к дверям тронного зала, а Харугот невидящими глазами уставился в окно, по которому текли прозрачные струйки.

Вступить в бой с богами все равно придется, этого требует план... Не сделать ли это сейчас, когда столь неожиданно объявился такой мощный союзник? Но не станет ли Тринадцатый после победы настолько могучим, что одолеть его будет по силам только владыкам Древнего Льда и Первородного Огня?

Так что, тогда нужно выступить против Господина? И против тех чудовищ, которых он ведет в бой? Или подождать, пока армия вторжения ослабнет, увязнет в стычках и осадах, распылит силы? Чтобы потом явиться в Норцию освободителем и спасителем?

Пожалуй, это самый разумный вариант.

Ари Налн вновь кашлянул, и консул с некоторым трудом вынырнул из размышлений.

– Что у нас дальше?

– Посол из Андалии, – сообщил канцлер. – Примчался в Безарион сегодня утром и попросил аудиенции.

– Да, я помню, ты говорил, – кивнул Харугот. – Ну что ж, пусть войдет. Посмотрим, что он скажет.

Ари Налн махнул стоявшему у дверей сотнику Чернокрылых, тот кивнул и вышел из зала. Вернулся не один, в компании высокого и очень тощего таристера в дорожном ремизе с гербом Андалии на груди, в волочащемся по полу плаще и высоких, заляпанных грязью сапогах.

Зацокали по полу шпоры.

Таристер прошел к трону, стал виден изогнувшийся на гербе дракон, белый, с золотыми глазами и того же цвета гребнем.

– Почтение и здоровье правителю Золотого государства, – сказал посол, опустился на колено и склонил русую голову. – Я, благородный Вивилон ари Торласт, уста и рука могучего королевства Андалия, что желает переговоров.

– И твоему королю тоже почтение и здоровье, – ответил консул. – Что он велел передать?

Ари Торласт поднялся и заговорил. Из слов его стало ясно, что король Андалии предлагает правителю Безариона военный союз, направленный против вторгшихся из Архипелага святотатцев.

– Ибо алчность их велика, а богохульство непомерно, – вещал посол, пуча глаза и держа правую руку на эфесе меча. – Кто может чувствовать себя в безопасности, если падают храмы богов?

Похоже, андалийские маги растолковали правителю, что за враг явился с запада. И он не захотел стать следующей жертвой, причем не захотел так сильно, что отправил в Безарион представителя одного из знатнейших родов королевства, собственного родственника.

– Я выслушал тебя, почтенный Вивилон, – сказал Харугот. – Мне кажется, что опасность пока не так велика...

– Так что мне передать моему королю? – спросил ари Торласт, не отличавшийся, похоже, умом и выдержкой.

В послах андалийцы всегда больше ценили родовитость, нежели умение вести переговоры.

– Мы некоторое время подумаем, – проговорил консул. – Надо взвесить все, решить, насколько нужен этот союз Безариону или он только в интересах Дамбурга. Грамоты отдай моему канцлеру, мы изучим их и через несколько дней дадим ответ. В нашем городе достаточно постоянных дворов, чтобы ты мог ожидать в комфорте и роскоши.

На широком лице ари Торласта отразилось недовольство. Он кивнул, вручил шагнущему вперед ари Налну кожаный тубус, после чего развернулся и под цоканье шпор удалился.

– Каков гордец, – покачал головой Харугот. – Но ничего, они еще приползут ко мне на коленях. Это все?

– Да, мессен... – Канцлер заколебался. – Почти. Есть одна странная новость. Она слишком невероятна, но все же...

– Говори.

– К нашей границе с востока движется войско из десяти тысяч... – ари Налн вновь заколебался, – белых гномов. По сообщению от тердумейцев, они идут на запад, чтобы воевать с армией Тринадцатого. Расид ар-Рахмун хотел бы знать, что с ними делать – напасть или пустить дальше.

– Белые гномы? – Харугот ощутил, что удивлен по-настоящему.

Восточная ветвь малорослого народа обитала за Опорными горами и не показывала оттуда носа. Порой их купцы появлялись в портах Жаркого океана, изредка добирались до Безариона...

А тут войско в десять тысяч мечей! Что заставило белых гномов нарушить свое уединение? И как, видит Тьма, они прошли через Опорные горы, миновали холодные вершины, над которыми веют ледяные ветра и ядовитое дыхание Безымянного?

– Вот как... – Он потер подбородок, ощутил, как нервный тик заставил дрогнуть уголок рта. – Немедленно гонца к тердумейцам: не трогать этих гномов даже пальцем, пусть идут. На границе мы их встретим...

«И вовсе не с оружием», – добавил консул про себя.

Если они хотят сражаться с Тринадцатым, то на здоровье. Пусть идут через наши земли, вступают в бой с теми, кто приплыл с Архипелага. Победить они вряд ли смогут, но точно ослабят Господина. И вот тогда можно будет вступить в дело и ему, правителю Золотого государства.

– Я понял, мессен, – сказал ари Налн. – Разрешите удалиться?

– погоди... – остановил его Харугот. – Нужно отправить к этим гномам посла. Пусть проводит их через наши земли, а заодно присмотрит, чтобы они чего не натворили. Можно выбрать одного из таристеров, но им я не особенно доверяю... пусть поедет Махтарн.

Названный состоял в числе учеников консула, и происходил из благородной, но обедневшей семьи. Особой магической силой или умением похвастаться не мог, зато был умен, быстро соображал и знал все, что положено знать молодому человеку, имеющему право на герб и приставку «ари» к фамилии.

– Скажешь ему, пусть переоденется в обычную одежду, – продолжил Харугот, – выдай денег и выдели свиту в полсотни Чернокрылых... И еще, пусть все же зайдет ко мне в тайную комнату перед отъездом.

– Все понял, мессен.

Ари Налн поклонился и зашагал к двери. Консул подумал, что сидение на троне утомляет не меньше, чем колдовство. Встал и медленно сошел с возвышения, на котором располагался древний императорский престол. Глянул на окна, все так же атакуемые дождем, и двинулся к секретной двери, что пряталась за гобеленом на правой стене.

Чернокрылые эскорта последовали за ним.

Выехали они на рассвете, и тот оказался самым обычным, без каких-либо жутких знамений.

Во рту у Олена после вчерашней пьянки остался кислый привкус, наводивший на мысль, что пили они вовсе не пиво. За «душевными» разговорами засиделись допоздна, выспаться не удалось, в теле поселилась вялая ломота, а в голове – екающая болезненная тяжесть.

На коня Рендалл влез с трудом, и долгое время морщился при каждом его шаге.

Гундихар же, несмотря на выпитое вчера пиво, был бодр, словно искупался в проруби. Красные с похмелья глаза его поблескивали, а анекдоты выпадали из недр бороды один за другим, одинаково древние и плоские, точно листы пергамента в книге сельтаро.

Лошади, купленные Саттией, и в самом деле оказались хороши. Ни одна не захромала, не сбилась с шага, хотя ехали без перерыва целый день. Остановились на постоялом дворе, не таком большом, как «Дубовый лист», но довольно приличном, и здесь Олену пришлось отбиваться от гнома, настойчиво предлагавшего «еще разочек поговорить за кружечкой».

На следующий день переправились через Теграт, и после этого на обочинах начали встречаться брошенные телеги, кучи мусора и лошадиные трупы – признаки того, что здесь

не так давно прошло большое войско. К вечеру путешественники достигли долины, где Харугот сошелся в битве с императором Серебряной империи, и где решилась судьба войны.

Тут сохранились остатки лагеря, сгнившие бревна частокола, и даже уцелевшая бревенчатая вышка. Запах мертвечины еще витал между холмов, скалились обглоданные костяки, сжимавшие в руках древки копий. Все сколь-нибудь ценное отсюда растащили мародеры.

– Нет... это же страшно, жутко, – забормотал Бенеш, и Олен, глянув на молодого мага, увидел, что тот бледен, как полотно. – Настоящее поле смерти... Черная сила, целые облака... Он пустил ее тут в ход, да. Раны в теле земли не закрылись и не закроются долгие годы...

Саттия, судя по встревоженному взгляду, тоже что-то видела или чувствовала. И сам Рендалл ощущал холодные прикосновения, словно кто-то трогал его призрачными пальцами. В ветре чудились жалобы витающих над смертным полем духов погибших тут родов.

Через долину ехали почему-то шагом, хотя более разумным было ускорить ход лошадей. Эльф и Харальд выглядели невозмутимыми, Гундихар глядел по сторонам с залихватским видом, но понятно было, что это только бравада, что на самом деле и ему не по себе.

Местами скелеты лежали так густо, что кости образовывали настоящий ковер. Встречались изломанные щиты, древки стрел, проржавевшие кольчуги и разбитые шлемы.

– Я должен. Я обязан исправить все это... – сказал Бенеш, когда они поднялись на склон холма, прикрывавшего долину с севера. – Тут тьма и зло, не такие, как обычные, а чужие нашему миру, да.

Голос его прозвучал с необычайной твердостью.

– Ладно тебе, что тут исправишь? – проворчал гном. – Павших не вернуть, и даже хоронить их поздно, клянусь когтями Аркуда.

– Молчи! – одернула его Саттия. – Ты не видишь, что там такое, а я вижу! Пусть делает, что должен!

Придержали коней, и Бенеш покинул седло. Прошел несколько шагов вниз по склону и замер, раскинув руки. А затем меч на бедре Олена испустил волну холода, Сердце Пламени на миг обернулось шариком багрового огня, и фигуру ученика Лерака Гюнхенского окутала зеленая дымка.

Заструилась прочь, стелясь над самой землей, замелькали в ней белые искорки.

– Надо же, – проговорил Харальд, а Рыжий, внимательно наблюдавший за колдовством, недоуменно мяукнул.

Дымка заполнила долину, точно вода – большую лохань, и начала густеть. Пропали из виду уродливые шрамы, нанесенные земле сражением, сгнули костяки и оружие в их руках. По поверхности изумрудного марева пошли настоящие волны, долетел негромкий шорох.

Волны точно застыли, вспучились, и дымка рассеялась, пропала в один миг.

– Велика сила посланца Великого Древа, – восторженно прошептал тар-Готиан на своем языке, и Олен его понял.

Там, где недавно была лишь голая земля и останки павших, колосилась густая трава по пояс человеку. Качали венчиками огромные цветы, белоснежные, синеватые, алые и желтые. Около вышки виднелись молодые деревца, стоявшие кругом, словно воины в карауле.

– Здорово... – проговорил Гундихар, и в голосе его прозвучало искреннее восхищение, тут же сменившееся обычным насмешливым тоном. – Нам, гномам, положено камни любить и золото, но хорошо сделанную работу я всегда различу, даже если она касается всяческой ботвы.

Бенеш повернулся, показав лицо, бледное, осунувшееся, с зеленым огнем в глазах.

– Можно двигать, – сказал молодой маг, и пошел к коню.

Они преодолели несколько миль, холмы, закрывавшие место битвы, исчезли из виду. И тут Харальд подъехал вплотную к Олену и проговорил так тихо, чтобы больше никто не услышал:

– Этот рыжий парень – не совсем человек. Я заподозрил это, когда мы бились на берегу, но сегодня уверился окончательно.

– Не человек? А кто? – Рендалл с любопытством глянул в спину Бенешу, ехавшему в двух десятках шагов впереди.

– Не знаю. Я за время странствий разного насмотрелся. Зрел богов... – вид у Харальда был недоумевающий, как у человека, столкнувшегося с чем-то совершенно непонятным. – Встречал таких, как мы, прочих странных существ. Но такое вижу в первый раз. Нам нужно быть с ним осторожными. Он больше не думает, как человек, и может из каких-то своих непонятных принципов изменить, ударить в спину.

Олен почувствовал желание возразить, сказать, что такого не может быть, что они с Бенешем вместе прошли сотни миль, сражались рядом и спасали друг друга. Но слова эти застряли у уроженца Заячьего Скока в горле, когда он вспомнил, что тот Бенеш время от времени путался в словах, но разговаривал, по большому счету, понятно; тот Бенеш владел обычной магией, но не повелевал странными силами, встревожившими Сердце Пламени и ледяной клинок.

– Ну, хм... – только и смог произнести Олен.

Бенеш, словно догадавшись, что разговор идет о нем, повернулся, взгляд у него оказался мрачным. Харальд сохранил спокойствие, Рендалл с трудом выдавил кривую улыбку.

Молодой маг покачал головой и отвернулся.

– Так что вот, – сказал странник по мирам. – Никто не говорит, что он враг, но нужно быть настороже.

Олен кивнул, понимая, что на душу легла дополнительная тяжесть: разговор с Саттией, после которого они очевидно рассорились, а теперь еще и подозрения насчет Бенеша. Что дальше – открытая измена со стороны весельчака Гундихара или бегство Рыжего?

Проехали несколько городков, выстроенных словно под копирку – вытянутых вдоль единственной улицы, занятой тавернами и большими постоялыми дворами. Заночевали в одном из них, в заведении под названием «Имперский меч». Его хозяин оставил название, но вывеску успел подновить: на месте, где ранее была Синяя Луна, красовался герб Золотого государства.

Увидев его, Олен помрачнел еще больше.

Утром, едва выехав, попали в настоящую метель. Резкий ветер с севера принес черные облака, из тех посыпались белые хлопья, закружились, устилая размякшую от весеннего тепла землю. Стремительно похолодало, причем так, словно зима решила вернуться.

– Чт-то за ер-рунда, клянусь с-сапогами моего прадеда? – клацая зубами, спросил Гундихар. – Мы ж не у Льдистых гор, где лето длится од-дин день? Тут должно быть тепло!

– Порядок мира нарушен, да, – сказал на это Бенеш. – Крепы трещат, пути ветров падают. Можно ожидать... ну, всего странного.

Метель закончилась довольно быстро, но неприятный, режущий ветер и холод остались. О теплой одежде путники, прибывшие из южных краев, не позаботились, и поэтому мерзли.

Новых городов и даже деревень, как назло, долго не встречалось. Дорога тянулась через слегка всхолмленную степь, покрытую кое-где полосами кустарника и небольшими рошицами.

Когда на западном горизонте показалось темное пятнышко, Олен решил, что это очередные заросли.

– Орки, – сказал тар-Готиан, чье зрение было куда лучше человеческого. – Около сотни, скачут сюда.

– И чего этим клыкастым надо? – заворчал гном, чью бороду нещадно трепало ветром, а нос от холода был красным, точно свекла. – Сидели бы в своих юртах, или кибитках, или как они там называются?

– Орки служат Харуготу, – проговорил Олен, вспоминая разговор с Махридом Бога-лаком. – Шах Шахияр – его союзник, так что это наверняка какой-нибудь разъезд. Нужно ждать худшего, но сначала с нами будут разговаривать...

Пятнышко приблизилось, распалось на отдельные точки. Стало видно, что это всадники, что они мчатся, пригнувшись к гривам коней, и что их на самом деле чуть меньше сотни.

– Нет, ты ошибся, – сказал эльф, когда один из орков резко выпрямился, и в воздух звилась первая стрела.

За ней последовали другие.

Олен даже не успел удивиться, пришлось выхватывать меч и отбивать летучие снаряды. Отразил два, еще один свистнул в локте от лица, и после этого вступила в дело Саттия. Короткий жест, взмах руки, и находившиеся в воздухе стрелы превратились в облачка черного пепла. Судя по разочарованным воплям, что-то случилось и с луками в руках зеленокожих.

Орки взвыли, точно волчья стая, и в вое этом слышались злость и жажда крови. Пришпорили лошадей. Сквозь прореху в тучах упал солнечный луч, и в руках уроженцев степи засверкали мечи.

Разговоры в планы «разъезда» точно не входили.

– Ух, повеселимся, ха-ха! – завопил Гундихар, взмахнул «годморгоном» и едва не выпал из седла. – Только дайте мне с этой животины слезть и на твердую землю встать, и тогда я им покажу!

Коней придержали, развернули в ту сторону, откуда накатывалось орочья лава. Тар-Готиан и Саттия успели выпустить по несколько стрел, и каждая нашла цель. Но атакующих это не остановило, они только заорали еще громче. Олен увидел безумные, выпученные глаза, перекошенные лица, и Сердце Пламени само пробудилось к жизни. Выплюнуло настоящее полотнище снежно-белого огня, прошитого десятками красных нитей.

Истощенное, полное боли ржание понеслось над степью. Пламенный вал опал, и почти две дюжины орков стали грудami обгорелой плоти. Остальные словно этого не заметили, преодолели выжженную полосу и обрушились на вставших тесной группой путешественников.

Борясь со слабостью, Рендалл вскинул ледяной клинок, отразил выпад здоровенного орка. Стремительным тычком поразил его в горло и повернулся к следующему. По легкому движению за спиной понял, что Рыжий покинул место на конском крупе.

Харальд бился молча и спокойно, Саттия и тар-Готиан прикрывали Бенеша. Гном, соскочивший с лошади, размахивал цепом, целясь по конским мордам, и в первый же миг спешил двоих противников.

Начальный натиск они выдержали, не получив ни единой раны, но врагов было слишком много.

– Бенеш! – крикнул Олен, увернувшись от нацеленного в голову удара. – Сделай ты что-нибудь!

– Не могу... – ответил молодой маг, и его голос неожиданно четко прозвучал среди лязга клинков, ржания и конского топота. – Мое оружие не против живых, а против смерти и тех, кто несет ее...

«Непонятные принципы! – вспомнил Рендалл слова Харальда. – Ладно хоть в спину не бьет...»

Свалил еще одного орка, ударил прямо в раззявленный для крика рот. По ледяному клинку побежали голубые сполохи, лезвие запульсировало, алчно впитывая текущую по нему кровь. Олен почувствовал, как через эфес в тело хлынула сила, жестокая и мрачная, годившаяся только для одного – убивать, и в этот момент он не нашел силы противостоять ей.

Сражавшийся рядом Харальд только хмыкнул, когда Рендалл зарычал, словно хищный зверь, и направил коня вперед. Задвигался с такой скоростью, что очертания его фигуры размылись, а меч превратился в облако голубоватых бликов.

Человек, и вообще смертный, не мог так сражаться. Даже сам странник по мирам с трудом успевал следить за выпадами наследника безарионского трона. Ну а бог не стал бы вести себя подобным образом, да и не становятся люди богами, что бы ни говорили об этом жрецы.

Харальд подумал, что Олен – человек не в большей степени, чем Бенеш, хотя его ненормальность проявляется не так откровенно. Отвлекся, чтобы лишить жизни парочку истошно визжавших орков, и решил, что в этом случае промолчит.

Незачем смущать Рендалла сомнениями, ему и так нелегко.

Олен прошел сквозь строй орков, точно коса по траве. Опытные, умелые воины ничего не смогли с ним поделать, не сумели защититься. Многие даже не успели осознать, что умирают, другие вскинули мечи, и свет померк в их глазах. Но ни один не отступил, не струсил.

За Рендаллом осталась настоящая просека, точно за отрядом неутомимых лесорубов.

– Бей, во имя Аркуда! Наша берет! – заорал Гундихар так же громогласно, как требовал пива в таверне, чтобы похмелиться после пьянки.

С испуганным ржанием метнулись прочь кони, чьи наездники лишились жизни. Уцелевшие орки завопили и, словно забыв о других врагах, ринулись на Олена со всех сторон. Наскочили... и один за другим начали вылетать из седел, выплескивая кровь из ран...

Харальд никогда не видел, чтобы кто-то бился так стремительно и беспощадно.

Но время на удивление тратить не стал. Враг открыл спину – значит нужно в нее бить, поскольку орков еще много. Пришпорил коня, его примеру последовали остальные, побежал вперед гном.

За несколько мгновений все оказалось закончено.

Олен почувствовал холод, свирепый и жестокий, вцепившийся в каждую клеточку тела. Багровый туман перед глазами рассеялся, и он понял, что сидит на лошади, в руке – ледяной клинок, чистый и сверкающий, а одежда, лицо и руки заляпаны потеками красной липкой жидкости.

Конь под Рендаллом пугливо вздрагивал, переступал с ноги на ногу, а вокруг были ороchy трупы – посеченные, изрубленные, жуткие.

– Это я их? – спросил Олен, с ужасом осознавая, что красная жидкость, в которой он едва не купался – кровь.

Да, никогда ранее он не отдавался боевому безумию настолько полно. Да и оно ни разу не было настолько мощным, не накрывало с головой, не лишало возможности здраво соображать.

Или это клинок из кости йотуна наконец подчинил «хозяина»?

– Ты, кто же еще? Ха-ха, – весело подтвердил Гундихар. – Всех поганцев сразил, я аж чуть не загляделся.

Олена замутило. Оглянувшись, обнаружил, что гном и тар-Готиан смотрят на него с восхищением, Харальд – с тревогой, Бенеш – рассеянно и недоумевающе, а Саттия вовсе разглядывает землю.

– Я... не хотел... оно само вышло, клянусь Селитой, – слова лезли из горла, скользкие и мерзкие, точно жабы. В глубине души он знал, что стремился к тому, чтобы уничтожить роданов, осмелившихся поднять на него руку. И ледяной клинок только откликнулся на это желание, а не проявил собственную волю...

– Ладно, чего там, – проговорил Харальд будничным тоном. – Отбились, и ладно. Надо найти кого живого. Поспрашивать – зачем они на нас набросились? Может, мы теперь враги для степняков?

– Да, конечно, ищите. – Олен засунул меч в ножны, потянулся к седельной сумке, в которой была фляжка. – Я пока умоюсь...

Плеснул в лицо холодной водой, смыл красную гадость с рук, и стало немного легче. Из пальцев ушла постыдная дрожь, хотя во рту все равно остался мерзостный привкус.

Чувство было такое, что он пил чужую кровь, и та коркой засохла на языке.

Тем временем тар-Готиан и Гундихар с помощью подсказки Бенеша отыскивали среди трупов раненого.

– Дышит, точно карась на берегу! – заявил Гундихар. – Живее всех живых. Эй, парень, ты меня понимаешь?

Раненый орк мало отличался от собратьев из Великой степи – та же кожа с зеленоватым отливом, густые волосы с рыжиной, клыки и кошачьи глаза с вертикальными зрачками. Вот только безрукавка у него была не меховая, а кожаная, вышитая бисером, и татуировка покрывала не только плечи и руки, но и торс до самого пупа.

– Тва хама мар! Ахмаи ава-яньят тва! ¹ – прохрипел орк, точно не понимая, что попал в руки врагов.

– Еще грозитя, – покачал головой Харальд. – А ну, хлопните его по щекам, вдруг придет в себя.

Но ничего не помогало. Раненый продолжал изрыгать угрозы, дергался и пытался вырваться, а взгляд его оставался мутным.

– Он ничего не скажет, – мрачно проговорила Саттия. – Этот парень безумнее обжевшего мухоморов лося.

– Они все точно под дурманом, да... – добавил Бенеш. – Черное облако смутило их рассудок, превратило цветы в усеянные шипами шишки... Тьма пожрала понимание, смежила очи...

Дальше он понес нечто совершенно невразумительное.

– Одно ясно – эти парни сошли с ума, – подвел итог Харальд, – поэтому и кинулись на нас, точно стая собак на кусок мяса.

– Разрушение и безумие гуляют по миру, – ненависть прозвенела в голосе Саттии, – и выпустил их не кто иной, как Харугот.

Олен вспомнил обезлюдевший Тенос, ставший вотчиной чудовищ, зараженные бешенством и болезнями джунгли Мероэ. Подумал о гиппарах, что явились из пучины и непонятно зачем ввязались в осаду Терсалима.

Неужели консул Золотого государства стремился именно к этому? Вряд ли. Зачем ему нужны свихнувшиеся орки, ведь они куда полезнее в качестве разумных и умелых воинов? Для чего бросающиеся на все живое зроиты в Мероэ, обнажившиеся храмы на Теносе?

Находясь под землей, они исправно давали ему силу.

Может быть, сама Предвечная Тьма стремится чего-то добиться в этом мире, чего-то, о чем не догадывается Харугот, мнящий себя ее властелином, а на самом деле – лишь слепое орудие? Или не все ужасы, что по привычке приписывают ей, вызваны Внешней Госпожой? Есть еще какие-то разрушительные силы, раскачивающие крохотный шарик Алиона?

¹ Вы все умрете! Мы вас убьем! (орк.)

Хотя бы та же Нижняя Сторона...

– Не уверен, что это его рук дело, – сказал Олен. – Не думаю... Зачем ему безумные орки? Я встречался с Харуготом, сражался с ним... – из глубин памяти всплыло гладкое смуглое лицо, точно вырезанное из дерева, темные глаза, пальцы, унизанные перстнями, – он вовсе не глуп, хорошо понимает, к чему стремится.

– И к чему? – спросил тар-Готиан.

– А этого мы, увы, до сих пор не знаем. Наверняка – объединить всех людей Алиона под своей рукой. Но не из властолюбия и не из тщеславия, а ради какой-то цели. Он считает ее великой...

– Знаем мы эти великие цели! – фыркнула Саттия. – В результате груды трупов, пепелища и виселицы!

– Он впустил в мир смерть, – почти прошептал Бенеш, но его услышали все. – Указал ей путь... и ныне она обрела много обликов. Древняя сила пробудилась, еще более древняя встала с ней рядом!

Глаза молодого мага блеснули, и он замолчал.

– И что это значит? – спросил Гундихар.

– А то, что в любом случае нужно уматывать отсюда, – сказал Олен. – Рядом с этими трупами мне... не по себе. Побыстрее добраться до ближайшей деревни и прикупить теплой одежды!

Такой план ни у кого не вызвал возражений.

Глава 3. Врата

Две ели, высоченных, словно лохматые колонны из малахита, натужно заскрипели. Полезли из земли толстенные корни, полетели в стороны комья, зашуршала сухая хвоя, и деревья медленно зашагали туда, где в стене засеки оставалась прореха в пару локтей шириной.

Последняя на добрый десяток миль в стороны.

Лотис тал-Лотис Белая Кость понял, что сжимает кулаки и шепчет про себя: «Давай! Давай! Ну!» – будто слова могут чем-то помочь одному из младших магов, застывшему со вскинутыми руками.

– Во дает, – с почтением в голосе прошептал десятник Сираен тар-Валис. – Какой раз вижу, и все поражаюсь.

Деревья заткнули прореху, и зашевелились, принялись расти их ветви, чтобы обхватить стволы соседей. Образовать преграду, неодолимую даже для йотунов с их древней свирепой магией.

Альтаро начали воздвигать живые засеки на пути вторгшихся в Великий лес орданов еще несколько месяцев назад. Тогда стало ясно, что йотуны не в состоянии быстро взломать стену деревьев, что попытки штурма всегда можно обнаружить, и встретить врага во всеоружии.

Сегодня, насколько знал Лотис, отдельные засеки окончательно слились в полукольцо, отсекавшее отравленную часть леса от здоровой. И йотунам предстоит либо биться в нее лбами, либо обходить и возвращаться на север, либо...

Либо придумывать что-то еще.

Все понимали, что рано или поздно они это «что-то» придумают, но альтаро получают так нужную им передышку.

– Все, – выдохнул младший маг, бессильно уронив руки. – Слово мое крепко... Они не пройдут.

И он заулыбался, высокий и тонкий, совсем еще молодой.

– Слава богам, – кивнул десятник. – Ну что, приказ исполнен, мы можем возвращаться?

– Да, истинно так, – ответил маг, и воины разразились ликующими криками.

Они предвкушали дорогу домой, отдых в кругу родных и близких, прочие радости, какие может принести только дом. А Лотису тал-Лотису не верилось в то, что больше не будет засад, рейдов по ночному лесу, схваток, беспощадных, коротких и почти безрезультатных.

Собрались быстро, и зашагали знакомой тропинкой на юг, к тому поселку, что приютил их на время войны. Десяток на границе сменял посты из ополчения местных альтаро, им предстоит следить за тем, чтобы засека оставалась ненарушенной.

Шли бодро, кое-кто напевал, и когда из набежавших туч закапал дождь, никто не огорчился.

Пусть течет с небес вода, ведь она дает жизнь лесу, а через него и эльфам...

Когда на нос упала багровая капля, Лотис тал-Лотис удивленно вздрогнул и посмотрел вверх.

– Помилуй нас Анхил! – испуганно воскликнул кто-то из молодых воинов.

Из туч, черных и перепутанных, словно мысли сумасшедшего убийцы, летели вниз темные точки. Алые струи били по листве, стекали по стволам, немелодично журчали и шлепали. Небо, злое и нахмуренное, будто плакало кровью, скорбело о чем-то непонятном и жутком.

– Что это такое? – спросил десятник, поднося испачканную красным руку к лицу. – Кровь? Или что?

– Я... я не знаю... – проговорил маг, выглядевший растерянным, как и простые воины. – Никогда не видел и не слышал...

Багровая жидкость пахла водой, не жгла, но все равно прикосновения ее капель вызвали гадливое ощущение. Будто маленькие языки трогали кожу, отдергивались и прикасались вновь.

– Ну ладно... – проговорил Сираен тар-Валис. – Тогда пойдем...

Кровавый дождь вскоре сменился обычным, тучи немного посветлели, но настроение было испорчено. К поселку подошли в мрачном молчании, и встретили там чуть ли не панику. Жителей дюжины арроба небесное явление напугало едва не до полусмерти.

Десятнику и магу понадобилось некоторое время, чтобы их успокоить.

Остаться на ночь никто не захотел, и колонна из полусотни альтаро потянулась на юг, по хорошо заметной для жителей Великого леса дороге, что неискушенному олдагу показалась бы просто тропой. Полусотней миль южнее она выведет на тракт, а уж по нему можно двинуться в любой конец Великого леса.

На ночлег встали под одним из «гостевых» дубов, под ветвями которого укрылась целая поляна, а между корней спрятался крохотный источник. Поужинали, не разводя огня, часовые отправились на посты, а остальные принялись укладываться спать. Лотис завернулся в одеяло, мгновение полежал, вслушиваясь в успокаивающий шепот листвы, а потом уснул.

Видения его были смутны и тревожны, но затем из неясных образов и мрачных теней явился маг, носитель алого Цвета.

– Ты нужен мне... – прошептал он. – Ты нужен... Бросай все и приезжай в селение ла-Асалина...

Лотис вздрогнул и открыл глаза.

Шумели листья, за ветвями пряталось затянутое тучами небо, поляну окутывал мрак.

– Что это было? – прошептал Лотис. Он знал, что сильнейшие маги альтаро способны говорить с сородичами через сны, но не думал, что таким образом когда-либо обратятся к нему.

Это могло быть просто видение, лживый морок. Про селение ла-Асалина он знал, оно находилось на юго-западе, недалеко от границы Великого леса, Лыдистого хребта и людских владений. Большой торговый поселок, несколько храмов, но ничего особенного. Что он будет там делать?

Лотис потряс головой и уснул вновь.

И опять ему явился маг в одеждах цвета заката, и зазвучал его голос, тихий, но отчетливый:

– Ты нужен мне... Ты нужен... Приезжай в ла-Асалину...

Проснувшись во второй раз, на самом рассвете, Лотис тал-Лотис был твердо уверен, что его и в самом деле зовут. И когда они к вечеру того же дня добрались до тракта, уверенно повернул на запад, хотя земли его родного ствола лежали на северо-востоке.

Пришлось забыть о том, что дома не появлялся много месяцев, не видел родителей и невесту...

Но если зовет долг, то дело эльфа – следовать ему.

В первом же селении купил коня, и дальше двинулся верхом. Ночевал теперь на постоянных дворах, в тепле и удобстве. Везде его встречали радушно, как героя, одного из воинов, что защитил Великий лес от беспощадного врага. Девушки улыбались ему, Лотис улыбался в ответ, но на сердце было тяжело.

Еще дважды он попадал под кровавый дождь, тревожные видения смущали его каждую ночь. Облака закрывали небо почти постоянно, солнце выглядывало лишь на краткие мгновения. Под сводами леса царил душная сырость, полная запахов распада и гнили.

Казалось, что громадная пуща, раскинувшаяся чуть ли не на треть Алиона, больна.

До ла-Асалины Лотис доехал дождливым вечером. Обрадовался, увидев арроба в окружении хурдага, «мусорных» деревьев, чьи корни способны в считанные дни всосать любую грязь. И удивленно покачал головой, когда на окраине дороги ему преградили двое воинов с луками в руках.

– Подними капюшон, – сказал один из них, тот, что повыше, в темной куртке ворсом наружу.

– И быстро, – добавил второй.

Настоящий эльф всегда знает, когда можно спорить, а когда нужно повиноваться без рассуждений. Эти двое, вне всяких сомнений, имели право отдавать приказы, и могли пристрелить Лотиса за неповиновение.

Он скинул с головы капюшон, влага потекла по затылку, несколько капель упали на лоб.

– Все ясно, – луки в руках воинов опустились. – Проезжай прямо до постоянного двора, а там на второй этаж.

Лотис кивнул и толкнул коня пятками в бока.

В поселке, несмотря на ненастье, царил суета. Ходили альтаро, водили лошадей, таскали мешки, слышались озабоченные голоса. От кузни, что стоит, как и положено, на отшибе, доносились удары молота.

У постоянного двора, занимавшего самый большой арроба, Лотис спешился, отдал поводья подошедшему слуге.

– Проходи наверх, – сказал тот. – Там тебя ждут.

То ли Лотис тал-Лотис Белая Кость был тут известен каждому, включая собак и жуков, то ли все, приезжавшие в поселок, являлись сюда с одной-единственной целью. Это немного больше походило на правду.

Лотис поднялся по лестнице и оказался в просторной трапезной, в каких бывал много раз. Вступив в нее, не удержал удивленного вздоха, и поспешно опустился на колено.

За столом сидел хорошо знакомый воину ствола Алого Заката маг в багряных одеждах, а рядом с ним – еще двое. Один в платье цвета ночи, другой в желтых, как цыплячий пух, куртке и штанах. Трое из пяти верховных чародеев посетили ла-Асалину.

– Встань, – произнес маг в красном, и добавил для соседей по столу: – Я знал, что он придет.

– Еще бы он не пришел, – желчно заметил обладатель черных одежд. – Ты такой зов послал, что у меня голова трещала два дня. Так этот парень уцелел после сражения с нагхами в Безарионе?

– Да, он.

Лотис поднялся, чтобы оказаться на пересечении трех взглядов – двух любопытных и одного одобрительного.

– Извини, что лишил тебя отдыха, – сказал маг в красном. – Но дела обстоят так, что без тебя не обойтись. Иди сюда, присядь и послушай, что я тебе скажу. Только скинь плащ. Больно уж он мокрый.

Чувствуя себя неуютно под испытующими взглядами чародеев, Лотис расстегнул завязки и бросил сырой дождевик на один из стульев. Затем прошел к столу и осторожно сел.

– Слушай меня, – продолжил чародей. – Недавно ты совершил одно путешествие в земли людей, и сейчас предстоит второе. Только на этот раз в путь отправится сотня лучших воинов Великого леса, – Лотис на мгновение почувствовал себя польщенным, – и с ними

пойдут пятеро наших учеников, по одному от каждого. И двинетесь вы тайком, лесами и под защитой соответствующих заклинаний...

Белая Кость с тревогой подумал, что им опять придется гоняться за человеком по имени Олен Рендалл, чтобы лишить его жизни и отобрать вынесенный из Вечного леса клинок из кости йотуна.

– Взявший власть в Безарионе Харугот – зло сильное и явное, – проговорил хозяин алого Цвета, и Лотис понял, что разговор сворачивает в другую сторону. – И нам еще предстоит бороться с ним. Но проявило себя другое зло, проклятое и богохульное, едва не сгубившее Алион в годы войн Восставшего Мага...

Лотис с удивлением узнал, что на западе высадилось приплывшее с Архипелага войско, что ведет его некто, именующий себя Господином и Тринадцатым. Еще больше изумился, когда услышал, что разведчикам предстоит двинуться навстречу этому войску, как можно больше узнать о нем и передать сведения в Великий лес.

– Это дело наших учеников, – сказал маг в черном. – Путиами воды, что струится сквозь землю, парит в облаках, они доставят нам добытые вами сведения. А ваше дело – луки и мечи, и ты, учитывая твой опыт, назначаешься десятником.

Как выяснилось, предел удивления для Лотиса тал-Лотиса в этот день еще не был достигнут.

– Э... хм, я готов, ну... – забормотал он ту ерунду, какую несут все роданы в момент сильного смущения.

– Вот и отлично, – носитель алого Цвета хлопнул ладонью по столу. – Выступаете вы завтра на рассвете, так что сейчас отправляйся к местному меарону. Он позаботится о размещении и всем прочем. Ты должен хорошо поесть и выспаться. Иди!

Лотис встал, повернулся и зашагал к двери, ощущая, что маги требовательно смотрят ему в спину.

В не такой уж большой комнате, которую Харугот использовал в качестве рабочего кабинета, было тесно. Вокруг стола стояли виднейшие полководцы Золотого государства. Те, кто громил Лузианию, разбивал имперские легионы и штурмовал стены непокорного Терсалима, отражал наскоки орков Великой степи, сражался с гномами и топил в крови зимнее восстание.

Ари Марлид, ари Рогхарн, ари Валн, ари Вистелн, ари Сарфт...

Тут же, рядом, канцлер Редер ари Налн, так что не хватает только ари Форна, и еще – Шахияра.

– Что ж, начнем, мессены, – сказал сидевший в кресле консул, чувствуя, что шум дождя вновь мешает ему сосредоточиться. – Каждого прошу... да, прошу высказываться коротко и по делу. Ясно вам?

В последние дни небо словно сошло с ума, ливни обрушивались на Безарион каждый день и порой затягивались надолго. Дороги, кроме вымощенных камнем старых трактов, развезло, Дейн начал подниматься, грозя затопить приречные долины. Случись такое – неизбежен неурожай, а значит – новые неприятности, волнения крестьян и даже бунты...

Мало того, некоторые дожди были красными, словно тучи рыдали кровью, другие несли яд, от которого гибли посевы, а люди покрывались волдырями. Доносили о слухах, что в тучах видели странных чудовищ, и о том, что народ шепчется о раздражении богов, коим не по нраву войны хозяина Безариона.

Таристеры кивнули, и по праву старшего заговорил ари Марлид, служивший еще последнему императору.

– Войско собрано к выступлению и готово. Двадцать тысяч, ничего лишнего, – прохрипел он. – Но запасы невелики. Поэтому нужно идти вперед, навстречу врагу, чтобы сражаться с ним на чужой земле.

– Ородрим задержит островитян на какое-то время и измотает, – добавил ари Рогхарн. – А тут мы и ударим... Граф Эньяна наверняка присоединится к нам, ланийские эльфы дадут ополчение.

– Можно оставить небольшой резерв около столицы, тысяч пять, – проговорил более осторожный ари Валн. – Кто знает, вдруг они попробуют высадить десант? Танийский союз ненадежен. Их, как и любых торгашей, можно купить.

– Купить можно кого угодно, – с кривой усмешкой сказал Харугот. – Даже благородного таристера. Вопрос только в цене.

Полководцы дружно нахмурились, а ари Марлид сердито засопел.

– Но речь не об этом, клянусь Великой Бездной, – продолжил консул. – Как я понимаю, вы настаиваете на том, что мы должны выступить немедленно?

Таристеры переглянулись, и ари Вистелн, считавшийся любимцем Харугота, подтвердил:

– Да, мессен.

– Это ясно. А что вы скажете на это? – И правитель Золотого государства поведал военачальникам, что с востока к Безариону приближается десятитысячная армия белых гномов, и что до столицы им, по всем расчетам, осталось несколько дневных переходов.

Лица таристеров озадаченно вытянулись.

– Эти мелкие пакостники? – проворчал ари Марлид. – Никогда не доверял им. Вдруг они ударят в спину?

– Не думаю, что белые гномы пойдут на это. С ними Махтарн ари Дирк, и он сообщил, что они не таят предательства.

– Э... хм? – ари Рогхарн почесал квадратный подбородок. – И что предлагает мессен?

– Выждать. Дать гномам пройти вперед, чтобы сразиться с войском Тринадцатого, и посмотреть, что выйдет. Десять тысяч боевых топоров – страшная сила, особенно в таких руках. И вы это знаете.

Тут Харугот не преувеличивал. О белых гномах известно было, что силой, воинским умением и стойкостью они превосходят западных сородичей. В войны обитатели крайнего востока Алиона вступали редко, но зато уж если вступали...

– Кроме того, – консул посмотрел на разложенную перед ним карту, на которой были изображены землю к югу от Дейна и до самого Блестящего моря, – есть еще один резон придержать наступление. Возможно, нам придется усмирять большое восстание в Терсалиме...

Полководцы помрачнели.

– Это станет ясно, как только Жарат принесет сведения о том, что там творится. Так что еще несколько дней войску придется простоять рядом с Безарионом, а канцлеру и вам – сделать так, чтобы оно за это время не взбунтовалось от голода, – он посмотрел каждому из таристеров в глаза, и все они опустили взгляд. – Так что отправляйтесь, и займитесь этим делом, пока не поздно. Как только гномы пройдут мимо и придут вести с юга, я призову вас.

В ответ прозвучал нестройный и довольно мрачный хор: «Да, мессен», и полководцы во главе с ари Налном направились к двери.

«Проклятый дождь, – подумал Харугот, покосившись на залитое водой окно. – Он навевает дремоту, лишает бодрости. Может быть, послать все в Бездну, и применить силу Тьмы, чтобы разогнать облака?».

Какой бы ты ни был темный маг, иногда хочется увидеть солнце.

Консул почесал подбородок, решительно отогнал искушение и выбрался из кресла. Глянул в зеркало, убедился, что все в порядке, и поправил висевший на поясе меч, столь привычный, что его веса правитель Безариона не замечал.

Вскоре он шагал по коридорам Золотого замка к тронному залу. Там его ждали ученики, предстояла важная церемония, которую он не проводил слишком давно.

– Останьтесь тут, – приказал Харугот Чернокрылым эскорта, когда они дошли до входа в тронный зал, и гвардейцы остановились.

В зал правитель Безариона вступил в одиночестве.

Тут было холодно, гораздо холоднее, чем в кабинете, дождевые струи хлестали по окнам, точно бичи. У левой стены стояли ученики в бурых балахонах, и вместе с ними – растерянные, испуганные мужчины: совсем юнцы и зрелые дядьки, в вышитых бисером флотеках и простых куртках.

Те, кто изъявил желание учиться магии у величайшего чародея Алиона, у Харугота из Лексгольма.

Слишком много учеников погибло в последнее время: и в столкновениях с Оленом Рендаллом, и на поле боя. Мало, не больше полутора дюжин, осталось тех, кто выполнит любой приказ, а при случае сделается инструментом в руках наставника. А ведь война еще не окончена, и понадобятся новые и новые жертвы, чтобы она завершилась так, как нужно для...

Тут консул одернул себя.

– Все ли здесь? – громко спросил он.

– Да, мессен, – ответили ученики, сгибаясь в поклоне, и их движение повторили новички.

Нет Жарата и Махтарна, но придется обойтись без них.

Твердо и уверенно шагая, Харугот прошел к трону и опустился на него. Положил руки на подлокотники, и скомандовал:

– Подойдите.

После небольшой паузы зашаркали по полу ноги, и новички несмело двинулись вперед. Самых застенчивых ученики подтолкнули в спину, и вскоре перед возвышением, на котором стоял трон, образовалась небольшая толпа.

– Слушайте меня, – сказал Харугот, когда тишина стала полной. – Вы пришли сюда по своему желанию. Откликнулись на призыв по собственной воле, никто вас не заставлял и не подкупал. И у вас еще есть шанс отказаться... Уйти, и не понести за это наказания.

Он помолчал, давая словам поглубже внедриться в скованные страхом и волнением рассудки.

– Вы знаете, что меня ненавидят тысячи. И всех, кто служит мне – тоже. – Новая пауза, во время которой кто-то нервно икнул. – И скажу вам честно – не зря. Порой мы вынуждены творить жестокие и кровавые дела, причинять боль другим и себе, и все это ради могучей и сладкой страсти познавать, ради знания, что дает власть...

Они слушали, точно замороженные.

Харугот знал, что сейчас, когда он упомянет обязанности ученика и расскажет об ответственности за непослушание, кто-нибудь обязательно струсит и уйдет. Тем лучше, останутся только те, кто действительно верят в выбранного наставника, в самого себя и ничего не боятся.

Ну или хотя бы те, кто желают такими стать.

– Я не буду вас обманывать и завлекать сладкими речами, – сказал консул в завершение. – Оставшихся ждет много разного, обязательно боль, кровь, пот и неприязнь окружающих. Поэтому тот, кто сомневается, волен уйти, – он указал на двери тронного зала, и те с гулом распахнулись, точно от порыва ветра.

Новички вздрогнули, кое-кто выпучил глаза.

Несколько человек, понутив головы и стараясь не глядеть по сторонам, выбрались из толпы.

– Идите с миром, – Харугот постарался смягчить голос. – Вам нечего бояться, а вот тем, кто остался...

Он подождал, когда один из учеников закроет дверь, и только потом закончил фразу:

– ...можно начинать... На колени!

Окрик прокатился по залу и вернулся из углов хихикающим приглушенным эхом. Консул встал, и на его плечи лег плащ из Тьмы, пронизанный искрами, прошитый нитями алмазного света, такими тонкими, что их было почти не видно. Глаза затопил мрак, лицо побелело, в приоткрытом рту сверкнули острые зубы, словно покрытые засохшей кровью...

Новички дружно повалились на колени, кое-кто даже распростерся ниц.

Ученики тихим скользящим шагом отошли к стенам.

Харугот кивнул и принялся воплощать в себе храм Тьмы, вызывать его из небытия, которое на самом деле есть не просто бытие, а основа всякого другого бытия. Все пришло из Тьмы, родилось из нее, состоит из ее плоти, и в нее же в конечном итоге и возвратится, когда придет срок.

А сейчас сам Храм решит, кто достоин войти в него, а кто – нет.

Раньше, когда еще высились святилища на острове Тенос, Харугот проводил ритуал отбора по-другому. Тогда приходилось идти окольным путем, более сложным и одновременно более простым. Тот способ был изощреннее, но не требовал чудовищных усилий.

В тронном зале потемнело, в углах сгустился сумрак, окна словно пропали вовсе, по крайней мере, исчез падавший из них свет. Потолок ушел на невероятную высоту, и непонятно откуда потянуло ледяным зловонием, точно открылся проход в самые глубины Великой Бездны.

Консул стоял, вскинув руки, его трясло, а «плащ» за спиной колыбался.

Храм воплощался в Золотом замке, храм, что не был посвящен ни одному из богов Алиона. Древний, как само время, полный изощренного страха и виданный мало кем из ныне живущих.

Особенно изнутри.

– Готовы ли вы? – спросил Харугот, и голос его прозвучал как сотня голосов разом, как вой метели, как свист урагана и как плач. Причудливо искаженные слова раскатились по залу, но эха на этот раз не было.

Консул взмахнул руками, и новички заорали. Многие прикрыли лица, другие вжали головы в плечи. Им показалось, что обрушилась крыша, и зашатались готовые обвалиться стены. Один из претендентов, высокий, с пышными усами, захрипел. Лицо его исказилось, и через мгновение на полу тронного зала оказался первый мертвец.

По каким признакам Тьма отбраковывает негодных, Харугот не смог разобраться, хотя после первого отбора потратил чуть ли не полгода на эту задачу. Порой она лишала жизни людей, всем сердцем веривших консулу, сильных и смелых, обладавших ярким магическим талантом, и оставляла жалких трусов, ленивых и упрямых, как ослы...

Но кто он такой, чтобы спорить с Предвечной Госпожой?

Второй неудачник погиб жутко – его просто разорвало, наружу полезли внутренности. Сидевшего рядом худощавого юнца стошнило, но он сознания не потерял и даже не сделал попытки отодвинуться, хотя было видно, что ему до смерти хочется задать стрекача.

«Вот этот подойдет», – подумал Харугот.

Погибли еще несколько человек, все по-разному. Один перестал дышать, другой задушил сам себя, проглотив язык, еще несколько в мгновение истекли кровью, начавшей

сочиться из всех отверстий тела. А затем по стенам и полу прошла короткая судорога, давшая понять, что выбор сделан, и настала пора завершающего шага, пора инициации.

Новообращенные воспримут Тьму в тела, усвоят опасный яд, и после этого станут учениками.

– Отриньте страх! – провозгласил Харугот. – Вы стоите на пороге великого преобразования!

Несколько отточенных движений, и «плащ» сорвался с его плеч, поплыл вперед, одновременно расплзаясь в стороны. Смертоносное для живых облако Тьмы лишь слегка отравит тех, кто собирается стать проводником ее силы, после чего рассеется без следа.

И в этот момент Харугота ударили в спину...

Что-то тяжелое и раскаленное врезалось повыше поясницы, ломая позвоночник, стараясь сбить на колени. Рот наполнился кровью, в глазах потемнело, разом хрустнули все суставы, не в силах выдержать нагрузки. Непонятно как, но консул сумел все же устоять на ногах, хотя от болезненного хрипа не удержался.

Сквозь муть перед глазами разглядел, что все идет как надо, что новички трепещут в объятиях Тьмы. А вот ученики забеспокоились, сумели понять, что с наставником что-то не так.

«Кто дерзнул?» – подумал Харугот, и догадка полыхнула в мозгу ярче молнии: Камень Памяти! Какая еще сила осмелится вмешаться в ритуал, творимый в тронном помещении Золотого замка?

А Камень тут, за тонкой стенкой, и мощь его велика...

За ударом не последовало никакого продолжения, и консул понял, что это не атака, а всего лишь выброс силы. Невообразимо древний артефакт проснулся, но почему? Тьма его потревожила или какой-то поступок последнего отпрыска династии императоров Безариона?

Харугот пришел в себя, жестом остановил двинувшегося к нему ученика.

Облако Тьмы с пронзительным шипением начало рассеиваться. Следом за ним принялся таять храм. Потолок опустился, вернулись на прежнее место окошки и стук дождя. Все стало как ранее, если не считать полудюжины тел на полу.

– Орад, – позвал Харугот старшего из учеников, одного из тех, кто пятнадцать лет назад откликнулся на первый призыв. – Все как всегда. Пусть вымоют здесь, ну а потом отведешь их к вам, выдашь балахоны и все объяснишь...

Орад кивнул и принялся командовать, а консул опустился на трон. Сейчас они уберутся, в обоих смыслах этого слова, и тогда можно будет заняться Камнем Памяти, посмотреть, что с ним.

Уборка не заняла много времени. Утащили тела, вымыли пол, хлопнули двери, и Харугот остался один.

– Ладно, пора, – сказал он и отправился к потайной двери в задней стене, за которой и прятался Камень.

Когда она открылась, владыка Безариона зажмурился и прикрыл лицо ладонью – древний артефакт пылал, над ним дрожало багровое зарево, мелькали в нем оранжевые и желтые искры.

– Клянусь Великой Бездной... – пробормотал консул, ощущая, как задержался уголок рта.

Камень Памяти проснулся, а это могло означать только одно – человек с кровью Безария в жилах идет к нему, причем делает это осознанно, надеясь овладеть собственным наследством.

– Проклятый Олен Рендалл... – Харугот сжал кулаки, досадуя, что потратил много сил на ритуал, и сейчас просто не в состоянии заглянуть в Камень Памяти, дабы выяснить, где ныне отпрыск последнего императора.

Но ничего, есть другие способы, не связанные с магией, и работают они порой почище заклинаний. Если Олен настолько глуп, что сам пришел в Безарион, тем хуже для него. Эта их встреча точно станет последней, и не поможет гнусному ублюдку ни клинок из кости йотуна, ни доставшееся от предков Сердце Пламени...

Консул закрыл потайную дверь, некоторое время постоял, приходя в себя, а затем пошел к выходу из зала.

– Ари Нална найти и немедленно ко мне, – приказал он, очутившись снаружи, и один из Чернокрылых эскорта сорвался с места.

Обитатели небольшой деревни при виде покрытого кровавыми пятнами Олена вытирали глаза. Но деньги есть деньги, и рассказ о напавших разбойниках поселян устроил. После коротких переговоров путешественники стали обладателями нескольких комплектов теплой одежды.

Еще их одарили слухами о том, что в небесах видели настоящего дракона, а телята в окрестностях сплошь рождаются мертвыми. «Знамения сие, – сказал хозяин корчмы, что была настоящим центром деревни, – жуткие времена наступают, воистину жуткие, скажу я вам».

Спорить никто не стал, путники съели по тарелке супа и поехали дальше.

Они оставляли позади милю за милей, ночевали в поле, на постоянных дворах и в брошенных сараях. Несколько раз попадали под странный кровавый дождь, сочившийся из темного, почти черного неба. Бенеш шептал что-то про боль мира, дергался и дрожал, словно припадочный.

Один раз видели тучу саранчи, зеленую и шелестящую, что пронеслась чуть в стороне. Олену тогда захотелось пустить в ход Сердце Пламени, сжечь всех тварей до единой, но он сдержался, подумав, что сначала нужно уничтожить Харугота, а уж потом заняться тем, что он привел в этот мир.

Жители попадававшихся на дороге деревень и городков были напуганы до смерти. Шептали о том, что озимые пожрала неведомая тля, что саранчи в небесах больше, чем облаков, что на севере, в долине Дейна, льют непрерывные дожди, а на юге, в степи, в силу вошла необычайно ранняя жара. Толпы стояли в храмах, сладкий дым курений тек из дверей святилищ.

На пятый день путешествия всех разбудил заоравший Бенеш. Когда вскочившие спутники растолкали его, молодой маг ничего не смог внятно объяснить, только бормотал что-то о «ранах тверди»...

И тем же днем, едва выехав, они увидели такие раны.

Раздался мягкий, какой-то похрустывающий гром, и голубовато-белый, покрытый облаками небосклон рассекла багровая неровная полоса. Рядом с ней легла вторая, словно кто-то нанес небесной тверди удар длинным мечом. Саттия вздохнула, почти застонала, а Гундихар выругался.

– Что это такое? – спросил Олен у Бенеша. – Ты можешь объяснить?

– Все ломается, все трещит... крушение близко... надо поспешить, да, – ответил бледный, точно саван, ученик Лерака Гюнхенского, по лбу его бежали крупные капли пота, а губы тряслись.

И после этого замолчал намертво, словно вовсе перестал замечать спутников.

Они мчались на север изо всех сил, не жалея коней, выезжая до рассвета и останавливаясь на ночлег с закатом.

На десятый день, когда миновали Зеленую грядку, небо закрыли облака и пошел дождь, самый обычный, хотя сильный. Степь осталась на юге, потянулись земли бывшей Лузиании – речушки, болотца, озера в обрамлении лесов, где дубравы и сосняки перемежались с березняками.

И тут Бенеш неожиданно вспомнил, что может говорить.

– Впереди враг... они идут сюда, чувствую... – прошептал он, но только шепот этот показался громче крика.

– Так и отлично, ха-ха! – возликовал Гундихар. – Хотя бы подеремся! А то я устал от этой скучной езды!

– Нет, мы не будем драться, да, – сказал Бенеш. – Мы отступим и дадим им проехать.

– Но... – запротестовал было гном.

– Остынь, борода, – придержала его Саттия, за время в пути еще больше, казалось, похудевшая.

И тут все посмотрели на Олена, даже девушка, последние дни избегавшая его взгляда.

– Пропустим, – проговорил он. – Только ты уверен, что они нас не заметят? Особенно тебя?

– Я укроюсь, да... спрячусь, – ответил Бенеш. – Тогда не был готов, не знал, а сейчас умею. И едут они не за нами, а мчатся на юг, мимо, прочь...

Укрылись в придорожном леске. Коней отвели подальше, а Рендалл, Харальд и тар-Готиан прокрались обратно к тракту, туда, где на обочине мокли заросли орешника.

Ждать долго не пришлось. Донесся плеск и позвякивание, из-за поворота вылетели всадники в черных плащах и вороненых шлемах с крылышками. Олен заскрипел зубами, узнав Чернокрылых, и вжался в сырую землю, разглядев, что меж воинов скачет высокий русоволосый юноша в буром балахоне.

Ученик Харугота из Лексгольма.

Что, если Бенеш ошибся, и колдун, владеющий силой Тьмы, обнаружит их?

Но русоволосый даже не повернул головы, и могучие кони, расплескивая воду из луж, промчались мимо.

– Торопятся в Терсалим тушить пожар, – заметил Харальд, когда топот затих вдалеке. – Тот, который мы разожгли.

– Скорее это разведчики, – покачал головой тар-Готиан.

Они поднялись и вернулись к своим.

Вновь потянулся тракт, сырой, не расплывшийся в кашу лишь благодаря каменным плитам толщиной в пол-локтя. Деревни, хмурые селяне, которые пытались что-то делать на превратившихся в топи полях. Дожди, непрестанно низвергающиеся с закрытого серыми тучами неба.

Как ни странно, Олену под их пологом стало немного легче, словно избавился от назойливого соглядатая, неотрывно палившего в спину. Хотя что это за соглядатый и был ли он вообще – Рендалл сказать бы не смог.

Начались коренные имперские владения, месяц тальник уступил место зеленцу, и на двадцатый день путешествия над горизонтом встали башни Безариона.

– Вот и он, клянусь седалищем Аркуда, – с умильной улыбочкой проговорил Гундихар. – Эх, какую пивную я знаю на улице Белоснежки! Там всегда сидят семь гномов, толстых и...

Договорить ему не дала Саттия.

– Нашел время о пиве рассуждать, корни и листья! – произнесла она сердито. – Нужно думать, как в город пробраться!

– Видела слона? – невозмутимо отозвался Гундихар. – Так вот пусть он думает, у него башка больше тебя раза в два. А мы просто порубим всех засранцев, что стоят у ворот, затем...

– Порубим еще пару тысяч засранцев, что прибегут им на помощь, а потом свалимся от усталости, и нас убьют. – Олен вздохнул. – Клянусь Селитой, такой план меня не особо устраивает.

– И меня, – добавил Харальд. – Особенно последний момент.

Гном нахмурился и дернул себя за бороду.

– Тогда что? – спросил он.

– Тихо и мирно заплатим пошлину и проедем внутрь, – сказал Рендалл. – Ворота охраняют не Чернокрылые, а простые городские стражники. Вряд ли они знают, что я враг консула, а он вряд ли догадывается, что мы собираемся нагрянуть к нему в логово.

– Ладно, проедем мы внутрь, а дальше что? – Саттия глядела в сторону, но чувствовалось, что вопрос задан Олену. – Это только в сказке можно подъехать к воротам замка злодея и вызвать его на поединок. Но у нас не сказка, Харугот один на один биться не станет.

– Знаю я одну сказку. Приходит дракон домой... – начал Гундихар, но на него никто не обратил внимания.

– Сначала нужно узнать, здесь ли Харугот, – Рендалл задумчиво потянул себя за мочку уха. – Если да, то нам необходимо попасть в город, и найти там союзников...

– А ты уверен, что такие есть? – девушка, по обыкновению, перебила, не дослушав.

– Есть. Школа Истинного Знания. Ее маги вряд ли любят консула. Если им объяснить, кто я такой, показать Сердце Пламени, то они поддержат меня, – Олен говорил уверенно, хотя слышал в голове тихий, но ехидный голосок сомнения. – Потом мы затаимся, выждем, когда Харугот выберется из своего логова. И ударим. Вряд ли он ездит по городу с войском, а от совместной атаки его не спасет никакая охрана, и никакая Тьма.

За те дни, что они провели в дороге, он не раз размышлял над тем, как одолеть убийцу собственных родителей. И ничего лучшего, чем попытаться объединить силы с чародеями, придумать не смог.

– Звучит неплохо, – сказал Харальд. – Правда, я слышал сотни планов, что звучали еще лучше, но кончались жуткими поражениями.

– Ты что хочешь сказать? – запальчиво проговорил Рендалл.

– Ничего я не хочу, – Харальд примирительно поднял руку. – Нужно пытаться, а там как судьба решит. Другого плана все равно нет.

Пока они разговаривали, ворота, называемые Терсалимскими, приблизились. Стали видны стражники, теснившиеся у стен одной из башен в тщетной попытке укрыться от дождя.

– Это врата, я чувствую, да... – подал голос Бенеш, и все прислушались. В последние дни он молчал всегда, будто сила, поселившаяся в теле молодого мага, забрала способность разговаривать. – Если вступить в них, то пути обратно не будет, только вперед. Куда – не видно, словно в тумане все...

И таким холодом повеяло от этих слов, что Олен невольно поежился.

Ворота надвинулись, выросли створки. Трое стражников отклеились от башни и зашагали наперерез всадникам.

– Доброго дня вам, – сказал один из них, мрачный и лопоухий. – Извольте заплатить пошлину за въезд и сказать, для какой цели прибыли вы в город Безарион...

Васель Ушастый, некогда пустивший в ворота нагхов, после этого лишился звания десятника и некоторого количества кожи на спине. С того времени он вел себя тихо, ну а службу нес рьяно, и судорожно вздрагивал, заметив даже самую крохотную и безобидную змею.

– Сколько? – поинтересовался Гундихар.

– С шестерых – два цехина, – сообщил Васель, и с подозрением в голосе добавил: – Так зачем вы приехали?

Компания выглядела странно: два парня с мечами, по виду хирдеры или даже таристеры, еще один – вроде полоумный, девица с оружием и волчьим взглядом. На закуску настоящий эльф, из южных, и гном, бородатый, и не с топором, а с боевым «годморгоном».

Такое оружие носят только настоящие мастера.

– Слышали мы, что войско снова собирается, – изрек Харальд. – И что делать бедным наемникам, когда кошель показывает дно?

– Собирается оно, верно. – Васель принял из рук Олена две блестящие золотые монеты и немного успокоился. Ясное дело, среди вольных клинков можно встретить кого угодно, и гнома, и бабу. – Да только хардагов не берут, сплошь Чернокрылые да воины из дружин таристерских...

– А с кем же консул воевать собрался? – поинтересовалась Саттия.

– Да с теми находниками, что с островов приплыли, – Ушастый любил поболтать, а за сегодняшний день через их ворота проехали только несколько телег с крестьянами, у которых вместо рта – задница; если открыть, только вонь и получится. – Идут, говорят, они к нам. Войско пока тут, стоит в лагере к северу от города, ждет чего-то. Да только не слышал я, чтобы вербовщики по тавернам ходили. Так что, мессены и мессана, вряд ли у вас что выгорит.

– Спасибо, приятель, – сказал Харальд, и бросил стражнику еще одну монету. – Мы пока не на мели. Попробуем, а там уж как Азевр решит...

Васель заулыбался и отошел в сторону, давая дорогу. Шестеро всадников проехали в ворота и исчезли из виду. Ушастый хмуро посмотрел им вслед и подумал, что если бы не приказ впускать в город всех, даже самых подозрительных типов, что был получен два дня назад...

Если бы не приказ, разговор точно не закончился бы так быстро.

– Как здесь мрачно, – проговорила Саттия, когда стражники и надвратные башни скрылись за поворотом. – Как в Тафосе, и даже много хуже. Хотя тут не было войны, не приходили сюда нагхи...

– С тем, чтобы испортить жизнь себе, люди и сами неплохо справляются, – буркнул Гундихар.

Едва въехав в город, девушка почувствовала упершийся в спину внимательный взгляд. Подумала о том, чтобы сказать об этом спутникам, но потом решила, что ей никто не поверит – кто может следить за ними, кому есть дело до самых обычных воинов, каких на дорогах Алиона – сотни?

И она промолчала.

Безарион уныло мок под нескончаемым дождем, точно огромный, еще сильный, но смертельно раненый зверь. Двери многих лавок были закрыты, редкие прохожие шагали торопливо и вжимали головы в плечи, словно боялись чего-то, даже статуи на площадях и перекрестках выглядели мрачно.

Клокотала вода в сточных канавах, угрюмо хлюпала в трубах.

– Прошлым летом тут все было совсем не так, – сказал Олен, и в памяти замелькали яркие картинки: уличные торговцы распахивают друг друга, вопят зазывалы, разноязыкая толпа течет по улицам...

– Еще скажи – в прошлом веке, – хмыкнул Гундихар, и криво улыбнулся.

От ворот свернули направо, к торговому кварталу. Там увидели оживление, но натуженное, какое-то вялое, словно роданы заставляли себя покупать и продавать, стоять за прилавками и просить милостыню.

В глазах у всех, у торговцев и нищих, у мастеровых и купцов, было одно и то же – тревога и страх. На Олена и остальных смотрели с недоумением, особенно на тар-Готиана. Уступали дорогу и отводили взгляды.

Патрулей Чернокрылых, вопреки опасениям Рендалла, видно не было.

Миновали храм Аркуда, большой, точно замок, с дверями в виде пасти огромного крота. Выехали к Торговому мосту, широкому, от берега до берега занятому лотками. Тут открылся Дейн, серый, как затянутое паутиной зеркало, блеснул далеко на западе Золотой замок.

У Рендалла при его виде слегка кольнуло сердце.

Перебравшись через реку, двинулись прямо на север, к Черной улице, и уходящему от нее проулку, что прозван Колдовским Подбрюшьем.

– Вот и она, – сказал Олен, увидев забор высотой в три человеческих роста, над которым поднимались ветки деревьев, а за ними проступали очертания изящных башен. – Надеюсь, сейчас все наставники в сборе.

Саттия хмыкнула, похоже, вспомнила те дни, что они провели за этим забором в качестве учеников Школы.

– Мяу, – присоединился к беседе оживившийся Рыжий, которому в память запала схватка в Колдовском Подбрюшьи.

Олен почти ждал, что и сегодня их тут встретит стража, но узкий проулок оказался пуст, а ворота – закрыты. Висевший на них замок донельзя напоминал недовольную харю какого-то чудовища.

– Вот те на! – изумился Гундихар. – Это что, колдуны гостей не ждут? Так мы постучим, мы не гордые...

И он шархнул «годморгоном» по створкам с такой силой, что они загудели.

«Харя» замка перекосилась, точно от удивления, из-за ворот послышалось нечто похожее на шепот.

– Может быть, по старой памяти – через забор? – Олен посмотрел туда, где они прошлым летом лезли через ограду. Тогда тоже шел дождь, только более сильный, и молнии резали небо подобно ножам.

Саттия на шутку не откликнулась.

Послышались шлепающие шаги, и створка с замком, что оказался декорацией, отъехала в сторону. Из-за нее выглянул очень маленький и крайне сердитый человек с птичьими чертами лица.

– Как посмели вы, нечестивцы, нарушить покой Школы? – воскликнул он. – Или вы не знаете, что гнев наш...

Рендалл понял, что выпренно-обличительная речь может затянуться надолго, и поспешил вмешаться.

– Смотри сюда! – сказал он, поднимая руку с Сердцем Пламени, и перстень из красного металла обернулся клубом огня. – Если ты знаешь, что это такое, топусти меня, если нет, то позови тех, кто знает!

Маленький человек отшатнулся и выпучил глаза так, словно пред ним предстал сам Владыка Смерти Адерг. Несколько мгновений простоял, открывая и закрывая рот, а затем шагнул назад, бормоча:

– Да, конечно... заезжайте, мы не думали, что кто-то из братьев... Сейчас я позову набольших...

Привратник так и не понял, что предстало его глазам. Да и откуда ему? Вряд ли на ворота поставят отличающегося талантом и умом человека. Такого используют там, где он принесет больше пользы.

Скрипнули петли, и они въехали в ворота. Здесь все оказалось точно так же, как и ранее – широкий двор, посыпанный желтым песком, в середине – столб с висющим на нем гонгом и лежащим у подножия биллом. Впереди – большое здание, возведенное из белого камня, на окнах решетки, лестница в три ступени.

Над зданием поднимались башни, алые, золотые и синие.

– Сейчас позову набольших, – повторил привратник и побежал к лестнице, захрустел под его ногами мокрый песок.

Хлопнула дверь.

– Эх, разомнись... – сказал Гундихар, слезая с коня. – Похожу тут маленько, за кустики загляну...

Но не успев сделать первый шаг, он остановился. Заросли, окружавшие двор с двух сторон сплошной зеленой стеной, зашелестели, и из них начали выходить люди, молодые и старые, лысые и бородатые, одетые разным образом, но все без оружия и с тем блеском в глазах, что выдает чародея.

Хозяева Школы Истинного Знания поняли, что в гости к ним пожаловал кто-то не совсем обычный. И это, судя по выражению их лиц, магам очень сильно не понравилось.

– Как-то это... – рука Харальда легла на эфес, гном пригнулся, переводя взгляд с одного чародея на другого, словно выбирая, кого ударить первым. Эльф угрожающе улыбнулся, даже Бенеш нахмурился.

– Всем спокойно! – сказал Олен, и это прозвучало как приказ. – Кто будет говорить со мной?

– А кто ты такой, чтобы мы с тобой разговаривали? – спросил один из магов, мощный телом, с густой русой бородой.

Всего колдунов было чуть меньше двух десятков.

– Я не виноват, если вы слепы. – Рендалл вскинул руку, и Сердце Пламени выплюнуло язык огня длиной в пару локтей. – Кто может обладать этой вещью и пользоваться ее силой?

Саттия удивленно подумала, что Олен, не прилагая каких-либо усилий, держится подобно императору. Что каждый его жест, взгляд, мановение пальца исполнены величия, которому невозможно научиться.

На лице русобородого отразилась неуверенность, на физиономии его соседа, тощего и лысого – настоящий страх.

– Не к лицу беседовать во дворе, под дождем, – новый голос оказался мягким, точно шелк, и принадлежал он высокому старику в белом, который непонятно откуда появился на ступенях лестницы.

Девушка готова была поклясться – дверь даже не дрогнула.

– Прошу вас спешиться и пройти за мной, – продолжил старик, держа в руке длинный посох. – Я, милостью богов ректор Школы Истинного Знания Кертол Дарагор, – судя по имени, он родился где-то на севере, – рад видеть в стенах нашего заведения наследника крови Безария Основателя. Прошу, входите. Незачем мокнуть.

Олен кивнул и спрыгнул с седла, за ним начали спешиваться остальные. Саттия поймала ошарашенный взгляд одного из магов, поняла, что это наставник Бордейс и что он их узнал.

Рыжий спрыгнул с крупа лошади, метнулся к воротам и исчез за ними.

– За конями приглядите, – велела девушка ближайшему чародею, а сама зашагала вслед за спутниками.

Ректор щелкнул пальцами, и двери мягко, бесшумно открылись. Гостей ввели в широкий коридор, где на стенах горели факелы, а затем – в просторный зал, в котором не было ничего, кроме двух дюжин стоявших кругом роскошных кресел, а на стенах висели круглые щиты.

Все они были одного размера, и на каждом имелась надпись, сделанная Истинным Алфавитом.

– Комната совещаний, – сказал Кертол Дарагор. – Здесь нас не подслушают даже боги, если им придет в голову такая мысль. Прошу, присаживайтесь. Сейчас нам принесут согревающий напиток, а затем мы поговорим. Ведь наследник трона Золотого замка явился к нам не из любопытства?

Саттия чувствовала, что ректор не преувеличивает, что вложенные в щиты заклинания и в самом деле превращают зал в некое подобие непроницаемого кокона. Сюда можно было пробиться силой, но такая попытка оказалась бы замечена, либо проникнуть с помощью Предвечной Тьмы, но магов, способных проделать такое, на Алион имелось всего двое.

Харугот, и она сама, последняя Хранительница запретного знания.

Олен кивнул и сел в кресло, обтянутое белоснежной шкурой неведомого зверя. Следом начали рассаживаться остальные. Рядом с ректором оказались двое колдунов, русобородый, и еще один, настолько дряхлый, что удивительным казалось то, что он в состоянии ходить.

Саттия поймала несколько брошенных на нее взглядов и поняла, что ее силу заметили, хотя вряд ли оценили правильно. Но куда большее внимание привлек Бенеш, растерянно хлопавший глазами и вообще выглядевший так, словно он не очень хорошо понимает, где оказался.

Когда Кертол Дарагор смотрел на бывшего ученика Лерака Гюнхенского, в глазах его появлялось нечто похожее на страх.

– Ага, вот и они, – сказал ректор, когда в зал начали заходить слуги, облаченные в сине-бело-золотые ремизы. – Прошу, отведайте глинтвейна. Он согреет ваши тела и очистит рассудок.

И первым взял с подноса округлый бокал из хрусталя, над которым поднимался парок.

Каждому из гостей досталось по такой же посудине, повеяло сладковатым запахом пряностей. Саттия отхлебнула, почувствовала вкус крепкого вина, куда добавили сахар, корицу, немного гвоздики, и еще что-то, незнакомое, но бодрящее. В самом деле стало теплее, кровь быстрее побежала по жилам, изгоняя из тела холод и сырость.

Гундихар с подозрительной миной понюхал глинтвейн и опрокинул его в себя махом, точно самогон. Харальд, Олен и тар-Готиан вежливо попробовали, а Бенеш к напитку не притронулся.

– Ну что ж, теперь, если гостям будет угодно, поговорим о делах, – сказал ректор, и лицо его сделалось серьезным, даже мрачным.

Слуги собрали у гостей бокалы и торопливо удалились.

– Конечно, – кивнул Рендалл. – Не буду ходить вокруг да около, сразу перейду к делу. Вы поняли, кто я такой. Нетрудно догадаться, клянусь Селитой, зачем я явился в Безарион. Я пришел взять то, что принадлежит мне по праву, и ныне находится в руках узурпатора...

Саттия глядела на непроницаемые лица магов, и думала, что они не согласятся, не рискнут променять свое нынешнее безбедное житье на войну с Харуготом, исход которой не предскажет и лучший оракул.

– ...и посему я прошу вашей помощи против того, кто силой захватил мой престол, – закончил Олен.

Кертол Дарагор глянул сначала на русобородого здоровяка, потом на старика, и покачал головой.

– Права твои неоспоримы, отпрыск Безария, – сказал он. – Сердце Пламени на твоём пальце – красноречивый знак. Но сам понимаешь, что мы не воины, что нам привычно размышлять, а не выходить на поле брани. Мы должны собрать всех наставников и обдумать твоё предложение.

– Струсили, – прошептал Гундихар, и Саттия подумала, что гном совершенно прав.

У русобородого раздулись ноздри, глаза старика злобно блеснули, но ректор продолжил, как ни в чем не бывало:

– Кроме того, неразумно ввергать государство в разлад и междоусобие, ибо тяжелые времена...

– Тяжелые времена? – не сдержалась девушка. – Так Харугот их вам и устроил! И если оставить его на престоле, и вообще в живых, то скоро весь Алион развалится на куски! Неужели вы не видите, что он творит? Не понимаете, что его сила – из Тьмы?

– А твоя? – в упор спросил Кертол Дарагор, и девушка осеклась. – Не всякая Тьма есть зло.

– Это верно, – проговорил Олен. – Но как насчет того, что ваши братья, ваши ученики погибали, сражаясь с Харуготом в войске Серебряной империи? Что насчет Лерака Гюнхенского?

– Нам о его судьбе ничего неизвестно, – гордо вздернул подбородок ректор. – И каждый маг волен решать, где ему биться и куда прикладывать свой талант. Мы скорбим о тех, кто пал, но не желаем повторить их путь. Жди нашего ответа в течение четырех дней, отпрыск Безария, но только вряд ли мы присоединимся к тебе в твоей борьбе. И да быть по сему! – он стукнул посохом об пол, и здание Школы Истинного Знания качнулось, задрезжали щиты на стенах.

– Это ладно, – сказал Харальд, и голос его в наступившей тишине прозвучал отчетливо. – Главное, чтобы вы не отправили гонца в Золотой замок. Чтобы уж точно не ввергнуть государство в разлад и междоусобие.

Русобородый побагровел, издал какой-то крякающий звук, Кертол Дарагор криво улыбнулся.

– Мы уходим, – Олен резко встал. – Я слышал ваш ответ, и понял его.

Следом за ним начали подниматься остальные.

Глава 4. Ловушка

Двадцать пять дней уттарн и лиаффри прожили на постоялом дворе.

За это время комната и само заведение надоели Хельге до смерти. Она успела неплохо изучить Безарион, обойти близлежащие улицы, обследовать лавки, храмы и рынки.

Нетерпение грызло ее, точно мышь – сухарь, и с каждым днем становилось все сильнее. Лиаффри терпела, ничем не показывала своего беспокойства, но знала, что ее спутник все видит и понимает. Уттарн проводил время в праздности, комнату покидал редко, с постоялого двора выходил считанное количество раз, а если и колдовал, то так, чтобы она не замечала.

Хозяин постоялого двора и слуги как-то удивительно быстро привыкли к Хельге и Рикю. Никто ни разу не спросил, надолго ли они тут, не бросил косого взгляда – а чего это они все живут и живут?

Кормили их хорошо, в комнате убирались, к услугам гостей имелась баня, и все бы было хорошо, если бы не жуткая погода. Дожди шли каждый день, проливные, долгие и холодные. Крыша не протекала, но на улице было очень неуютно, и даже в помещениях ощущалась сырость.

И Рик поглядывал на темное небо с тревогой.

На двадцать пятый день, после того, как они позавтракали, и Хельга собралась пройтись, размяться, уттарн неожиданно остановил ее.

– Погоди, – сказал он. – Не спеши. Мне кажется... да, я уверен, что Олен Рендалл сегодня будет в Безарионе.

– Что? – лиаффри не поверила собственным ушам. Сердце от радости екнуло, и стало легко-легко. – Тогда нужно... я должна немедленно к нему! Немедленно!

– Погоди, – повторил Рик. – Вразуми тебя Госпожа, пока бежать некуда. Он еще не в пределах города. И еще – не стоит бросаться к нему сразу. Нужно понять, что и как. Обещай мне, что будешь вести себя сдержанно, – глаза его личины сузились, Хельга разглядела сквозь них звериные зрачки на морде уттарна, – а не как глупая девица, у которой случился приступ влюбленности. Обещай, что сегодня будешь слушаться любого моего слова.

Лиаффри глубоко вздохнула и после небольшой паузы твердо проговорила:

– Да, я обещаю.

– Хорошо, – кивнул он. – Тогда поднимемся в комнату и подождем там.

Ожидание тянулось невыносимо, и Хельга едва не грызла когти. Пыталась точить меч, но даже это привычное занятие вызывало раздражение. Хотелось закричать и как следует шарахнуть кулаком по стене, чтобы осталась вмятина, и закровоточили разбитые костяшки...

– Собираемся, пошли, – сказал Рик, и она едва не подпрыгнула.

Взяли плащи и спустились вниз, в зал, где звучали голоса, пахло дымом и щедро лилось пиво. Вышли под дождь, мелкий и донельзя противный. Ощувив его прикосновение к лицу, лиаффри невольно вздрогнула. Уттарн немного помедлил и зашагал на север.

Девушка двинулась за ним.

Промокший Безарион выглядел опустевшим, словно все обитатели покинули его, перебрались в более благодатные места. На улицах властвовала тишина, нарушаемая лишь их шагами, клочкотанием воды и шорохом дождя. Казалось, что в домах нет никого, только гулая пустота и брошенные вещи.

И еще сгущалось над городом что-то мрачное, давящее, будто еще один слой облаков.

– Помилуй нас, Царь Земель, – шепотом вспомнила девушка бога своего народа, и подумала, что тут, в ином мире, Лошф, Двутельй, Добрый Владыка не сильнее, чем носорог на дереве.

Если он вообще имеет какую-то силу в Алионе.

Они миновали площадь Семи Арок, и вышли на Черную улицу, что тянулась на север, к воротам того же имени. Тут было чуть более оживленно, сновали люди с мешками и корзинами.

– Куда мы идем? – поинтересовалась Хельга, разглядывая пять остроконечных башен, чьи вершины терялись в низких облаках. – К Школе Истинного Знания?

О месте, где учат магов, она слышала несколько раз, и всегда горожане говорили о нем с почтением и трепетом.

– Похоже, что нет... – Рик неожиданно остановился. – А теперь зайдём в эту лавку и сделаем вид, что хотим что-то купить.

И он зашагал к двери, над которой болталась вывеска в виде горшка, сообщавшая, что тут торгуют посудой. Обнаружив, что лияфри осталась на месте, вернулся и потащил ее за собой.

– Да, я обещала. Дальше сама, – Хельга вырвала руку из лапы уттарна и вслед за ним шагнула под низкую притолоку.

В лавке было сумрачно и тесно, почти все пространство занимали полки с горшками, плошками и мисками. Навстречу посетителям двинулся хозяин, тощий и лохматый, и Рик завел с ним разговор. А лияфри, понимая, что не в силах удержаться, осталась у двери.

С того места, где она стояла, был виден кусок улицы и дом напротив.

Сначала она услышала цокот копыт и голоса. Затем увидела конскую морду, коня целиком и поняла, что всадник – это Олен, нахмуренный и промокший, но со знакомым мечом у пояса. Голова закружилась, захотелось метнуться вперед, закричать: «Это же я, я!»

Хельга несколько раз глубоко вздохнула, борясь с собой.

Она дала слово, и она его сдержит.

Вслед за Рендаллом проехал бородатый коротышка из племени гномов с чудным оружием в могучей лапе. За ним проследовал Харальд, лицо его было спокойным, белые мокрые волосы прилипли к голове. Затем показался некто похожий на сияи – высокий и стройный, с заостренными ушами, и девушка, миловидная, совсем молодая, но с тяжелым мрачным взглядом.

Увидев ее, лияфри вздрогнула, нутром ощутив, что это и есть та, из-за которой Олен отказал ей! Проклятая соперница, непонятно как сумевшая привязать его к себе, зачаровать до такой степени, что он помнил о ней и в другом мире! Сама не заметив, сжала кулаки.

– Пойдем, – прозвучал голос над самым ухом, и мягкий толчок в плечо выбил Хельгу из того мира, где существовала только она сама и ненавистная белобрысая тварь, мерзкая крыса, осмелившаяся покуситься на ее мужчину.

– Пойдем, – более настойчиво повторил Рик. – Пока мы будем за ними только следить, а там посмотрим.

Лияфри судорожно вздохнула и на деревянных ногах вышла из лавки. Уттарн последовал за ней. Оказавшись на улице, он вздрогнул. Отставший от спутников рыжий парнишка как раз проезжал мимо и, увидев его, Рик-Хтос-Ка-Семь-Огонь ощутил, что сейчас его разорвет на части.

Тьма, заключенная в теле уттарна, взвыла на тысячи голосов. Ее частицы метнулись прочь, в стороны, только чтобы не находиться рядом с источником столь чуждой для них силы!

Для глаз постигшего сущность Госпожи рыжий юноша выглядел переплетением струй темно-зеленого, синего и белого пламени, перевернутой каплей огня, что горит над исполинской свечой. И находиться рядом с ним было все равно, что стоять в жерле вулкана.

От жара Рика трясло, боль терзала внутренности, лицо словно обугливалось.

Неимоверным напряжением воли он удержался от крика, сумел подавить желание пустить в ход собственную силу. Вдавил, втиснул в себя непокорную Тьму, и тут рыжий юноша обернулся. Бросил на уттарна недоуменный взгляд, и темные брови сошлись к переносице.

Мгновение он смотрел на Рика задумчиво, а затем отвернулся и слегка прищипорил коня.

– Слава Госпоже... – прохрипел уттарн, чувствуя себя настолько же измотанным, как тогда, в Вейхорне, после самого сложного в жизни заклинания.

Благословенна Тьма, чью силу, если она пассивна, всегда можно скрыть, рассеять, сделать невидимой. Рик-Хтос-Ка-Семь-Огонь, отдавший много десятилетий постижению магии, был опытным и умелым чародеем, но он бы ни за что не захотел сойтись в бою с рыжим парнем.

Тот выглядел более могущественным, чем все Наставники Цитадели вместе взятые.

– Ты чего? Они же уйдут! – спросила Хельга, обнаружив, что ее спутник приостановился. – Идем!

– Да, идем, – уттарн сделал шаг, и заковылял вслед за лиафри, постепенно возвращая контроль над телом.

Ну и соратников подобрал себе Олен Рендалл!

Харальд, йоварингару, проживший на свете несколько тысячелетий, гном и эльф, девчонка, способная управляться с Тьмой. Пусть не особенно сильная или умелая, но все же...

И напоследок – маг чудовищной силы, что вполне может потягаться с богами. Или не маг?

Тут Рика одолели сомнения, но он быстренько отогнал их прочь. Сейчас не время сомневаться, нужно как можно быстрее разобраться в ситуации, и решить, как вести себя. Каким образом избежать столкновения двух женщин – лиафри и этой светловолосой. А что оно неизбежно, можно было понять, вслушавшись в сдавленное дыхание Хельги и заметив взоры, что бросала на Олена его спутница.

Всадники двигались шагом, не оглядывались, и поэтому следовать за ними труда не составляло.

Они проехали площадь Семи Арок и повернули на запад, в сторону Белой площади. В этот момент Рик всем телом ощутил упругий толчок, прикативший от Золотого замка.

– Вразуми меня Госпожа... – пробормотал он, пытаясь понять, что такое произошло. – Не может быть.

Дождь на мгновение ослабел, а затем припустил с новой силой.

Харугот в компании ари Нална разбирался с донесениями из провинций, когда в дверь кабинета постучали.

– Что такое? – спросил консул.

– Простите, мессен... – послышался дрожащий от страха и возбуждения голос одного из учеников. – Но он приехал... Ныне движется в сторону Школы Истинного Знания.

– Отлично, клянусь Великой Бездной, – Харугот улыбнулся. – Этот парень во второй раз залезает в мою ловушку, и если в прошлый я его упустил, то теперь обязательно убью.

И он погрозил кулаком гобелену на стене.

– Мессен, – ари Налн с беспокойством кашлянул. – Может быть, стоит перехватить его по дороге к Школе?

– Не стоит. Маги – трусы, они не отважатся выступить против меня. Если бы у них была хоть капля смелости, они давно бы восстали. Нет, мы спокойно приведем в действие наш план.

Канцлер поклонился и зашагал к двери. Когда открыл ее, внутрь заглянул ученик, маленький и остроносый.

– Общий сбор во дворе, – велел ему Харугот. – И продолжайте следить за ним, ни в коем случае не упустите.

Ученик кивнул и исчез, а консул принялся одеваться. Снял мягкие туфли и натянул высокие сапоги со шпорами. Повесил на пояс ножны с мечом, накинул на плечи черный плащ из плотной ткани, что защитит от дождя, мгновение потратил на то, чтобы глянуть в зеркало.

«Достаточно хорош, чтобы победить», – решил он, и тут отражение заколебалось, словно по заключенному в золоченую раму куску стекла пошли волны. Что-то дрогнуло внутри, и Харугот обнаружил, что на него смотрит труп: серая кожа сползает лоскутами, обнажая белый череп, фаланги пальцев, непонятно чем скрепленные, вцепились в пояс, в пустых глазницах плещется тьма...

Он вздрогнул, потряс головой, и жуткое видение исчезло, отражение вновь стало обычным. Консул напрягся, пытаясь обнаружить следы магической атаки – ведь ясно, что само по себе такое не померещится. Кто-то решил смутить его душу, лишить уверенности, выбить опору из-под ног.

Но, к собственному удивлению, ничего не нашел.

Никто не направлял на Харугота заклинаний, никто не колдовал, чтобы причинить ему вред.

– Проклятье... – буркнул владыка Безариона, и вышел из кабинета.

В сопровождении эскорта гвардейцев прошел к лестнице и спустился на первый этаж. Оказавшись во дворе Золотого замка, с ненавистью глянул на грязное, источающее дождь небо.

Перед главной башней замка, построенной еще гномами, царил суев. Из казармы выходили и строились Чернокрылые, отдельно стояло пять десятков лучников, лучших стрелков государства, собранных со всех дружин. Жались друг к другу ученики, около двух десятков, опытные, не один год слушавшие наставления Харугота. Трое самых умелых стояли кружком, обхватив друг друга за плечи, и глаза их были закрыты.

– Мессен, – подбежал тот же остроносый. – Он в Школе Истинного Знания, внутри. Они разговаривают.

– Хорошо, продолжайте следить, – кивнул Харугот.

А про себя подумал, как мало их осталось – опытных и умелых магов, что готовы исполнить его волю. Слишком многих пожрала ненасытная пасть Азевра, битвы и осады, штурмы и дальние экспедиции. Погибли, к сожалению, сильнейшие, уцелели преданные, но без искры таланта...

А она порой решает в схватке чародеев, кому сегодня умирать.

С плеском топчя лужи, подошли ари Налн и Тратис, облаченный в плащ, большой, как парус.

– Все готово, мессен, – доложил он, – как вы и приказали. Две сотни отборных воинов, готовых пойти в самую Бездну.

– Отлично, – сказал консул.

«Две сотни, – подумал он. – А всего их осталось тысячи три, и те рассеяны по разным местам. Прочие угодили в могилы, вырытые в земле Лузиании, Серебряной империи, в том холме, около которого мы сражались с гномами. Скольких же я погубил? Причем не только

тех, кто шел против меня, а и тех, кто бился рядом, защищая меня и веря в то, что Харугот из Лексгольма приведет Безарион к процветанию».

– Все в порядке, мессен? – спросил ари Налн. – Вы странно выглядите.

– Да, все хорошо. – Консул потер подбородок. – Проклятый дождь смущает меня, внушает чудные мысли...

Канцлер и командир гвардии уставились на Харугота, выпучив глаза.

– Ничего, сейчас я буду в порядке, – проговорил тот, отчаянно сражаясь с задержавшимся уголком рта. – Приведите моего коня, и мы выступаем. Ари Налн, останешься в замке.

– Как будет угодно мессену.

Четверо конюхов подвели могучего, ухоженного жеребца цвета утреннего тумана. Консул тяжело, с усилием забрался в седло, и с трудом удержался в нем, точно невидимая тяжесть потянула к земле.

– Двигаем, мессен? – спросил Тратис, тоже севший на коня.

– Да.

Командир Чернокрылых махнул ручищей, и ворота Золотого замка открылись. Стал виден город – скопище крыш, выстроенных рядами, точно волны, упирившиеся в стену; окутанные дымкой берега Дейна; башни и святилища; ползущие над всем этим тяжелые облака.

Харугот ткнул жеребца пятками в бока, и тот тронулся.

На конях они были вдвоем, остальным предстояло идти пешком. План выглядел просто – выяснить, куда двинется наследник Безария, покинув Школу Истинного Знания, и перехватить его, устроить засаду. Против полусотни лучников, двух сотен отчаянных рубак, двух десятков учеников ледяной клинок и Сердце Пламени могут помочь, а вот если с ними пойдут тот, кто воплотил Храм Тьмы, то у Рендалла не останется шансов.

Замок остался позади, они пересекли Гнилой ручей, и двинулись на восток по пустынному, словно мертвому Безариону.

– Мессен, они выходят, выходят! – закричали сзади дрожащим голосом, когда консул выехал на улицу Оружейников.

– Ну и? – спросил он.

– Идут на юг... по Черной...

Пришел момент, когда придется вступить в дело ему. Ученики могут далеко не все, иначе бы они не были учениками. Они не знают, что Тьма способна показывать не только то, что есть, а еще и то, что случится в ближайшем будущем. Только увидеть эти размытые картины куда труднее, и еще сложнее понять, что именно они обозначают.

Хотя сейчас ему много не нужно, только направление...

– Стоим, – приказал Харугот, вскидывая правую руку, после чего глубоко вздохнул и закрыл глаза.

Волны Тьмы, необоримо могучие, и при этом неосязаемые, что катятся сквозь Алион, поглаживая каждую его мельчайшую частичку, город, дерево, родана, песчинку...

Именно они могут рассказать магу все... или почти все, нужно только уметь слушать.

– Я смогу, – прошептал Харугот, пытаясь сосредоточиться, не слышать назойливого шума дождя.

На мгновение ему это удалось, он уловил тихие звуки, похожие на шорох прибора. Поймал ту их часть, что идет с востока, и перед глазами взвихрились цветастые пятна, на уши обрушился настоящий звуковой вал, состоящий из писка, рева, криков, хруста и даже чавканья.

Более слабый чародей сошел бы с ума в один момент, но Харугот удержался. Увидел длинную прямую улицу, потом здание с тремя остроконечными башенками, торопливо погасил заклинание.

Незачем рисковать – все что нужно, он узнал.

– Вперед, – сказал консул. – К Белой площади. Ускорим шаг, у нас не очень много времени.

– Шевелите мослами! – рявкнул Тратис так, что в окрестных домах задрожали стекла. – Не спать!

Белая площадь, центр Безариона, где стоит ратуша и высятся дома богатейших горожан – сегодня им, скорее всего, предстоит немного пострадать. При мысли об этом Харугот улыбнулся – многие годы обладатели тугих кошельков неохотно доставали из них золото, чтобы помочь консулу; но ничего, скоро им придется тратить деньги, чтобы помочь себе...

С улицы Оружейников повернули на север, копыта зацокали по булыжникам, коими была вымощена Белая площадь.

– Лучников – во все дома, – начал раздавать приказы Харугот, – ученики вон туда, воинов разместим...

Предстояло превратить площадь в громадную ловушку, которая захлопнется за спиной отважного, но глупого парня по имени Олен Рендалл. Сделать так, чтобы он не заподозрил ничего, ну а через некоторое время остался лежать на булыжниках, залитых его кровью.

Чернокрылые рванулись во все стороны, послышался топот, бесцеремонный стук, какой издают колотящие в двери кулачищи. Зазвучали раздраженные голоса, но быстро сменились раболопными возгласами.

Все в Безарионе знают – лучше смирить гордыню и молча повиноваться, когда тебя о чем-то просят слуги консула.

Шум довольно быстро затих, двери закрылись, и Белая площадь сделалась такой же тихой и пустой, как и немногим ранее. Только очень зоркий глаз разглядел бы шевеление за окнами вторых этажей выходящих на нее домов, и невероятно острый слух различил бы дыхание укрывшихся за углами Чернокрылых.

– Все готово, мессен, – доложил Тратис, подъехав к Харуготу. – Надо бы и нам самим...

– Это верно, клянусь Великой Бездной, – ответил тот. – Поехали вон туда, заодно от дождя спрячемся.

Консул указал на галерею дома, занимавшего северо-восточный угол площади. Для Олена с друзьями, что въедут на площадь с Большой улицы, он окажется справа и сзади. Вряд ли кто из них догадается сразу же посмотреть в ту сторону, а даже если догадается, это ничего не изменит.

Втроем – Харугот, Тратис и сигнальщик с трубой – они проехали между двумя колоннами и оказались под сводами галереи. За углом, в Ножевом переулке, спрятались ученики.

Незачем им торчать на виду.

– Мессен, а вы... – начал было командир Чернокрылых.

– Шшш! – консул поднес указательный палец к губам.

Сквозь назойливый шум дождя, сквозь все это шлепанье, шелканье и бульканье пробились равномерные звуки – так ступает лошадь по мокрой мостовой. Чуть позже донеслись голоса – сердитые, о чем-то спорящие, и меж них один женский.

Харугот глубоко вздохнул и встряхнулся всем телом, точно уличный кот перед дракой.

Первым на площадь выехал насквозь промокший Олен Рендалл. Не увидев рядом с ним кота-оборотня, консул с сожалением подумал, что роскошная, с золотыми прядками шкура неплохо смотрелась бы на стене, но придется обойтись без нее. Затем показались спутники уроженца Заячьего Скока, и несерьезные мысли исчезли из головы.

Гном не заинтересовал его совсем, сельтаро вызвал удивление – откуда он взялся?

А вот трое других...

В белобрысом юнце Харугот не почувствовал ни искорки магии, зато уловил некую чужеродность, словно на спине коня восседал не человек, а принявший его обличье кусок разумного льда.

«Посланец Нижней Стороны? – мелькнула догадка. – Но нет, невозможно...».

Девушка с кровью алтаря в жилах заставила консула поднять брови. В ней он почувал силу, родственную своей, понял, что плоть ее насыщена Тьмой, и увидел над ее головой черное облако, наподобие того, что следовало за каждым Хранителем с острова Тенос, но куда более объемистое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.